

Л. Фандеева

Предсказания

16+

Лилия Фандеева

Предсказания

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Фандеева Л.

Предсказания / Л. Фандеева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-12128-7

Дарья Андреевна Барышева - хирург в третьем поколении. Выбрав не "женскую" профессию, она остаётся женщиной и поступает по-женски, предпочитая карьере свою семью. Рядом любимый муж и трое любящих детей. Жизнь была бы абсолютно счастливой, если бы сама не преподносила ей то испытания, то искушения, словно проверяя, нарушит ли она свой девиз: "Доброта спасет мир" и не изменит ли её предсказания цыганки.

ISBN 978-5-532-12128-7

© Фандеева Л., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	31
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лилия Фандеева

Предсказания

Пролог

Дарья Андреевна проснулась от того, что ей в лицо, уткнулся холодный и мокрый нос собаки.

– Встаю, Бетти, уже встаю, – сказала хозяйка, поднимаясь с постели. Следом за собакой, она вышла из спальни в прихожую. Включив свет, накинула на себя пуховик, сунула ноги в сапоги и открыла дверь, пропуская собаку вперёд. Вышла следом, закрыв входную дверь, и «застыла» на невысоком крыльце. «Красота!» – улыбнулась она собственным мыслям.

С неба падал снег. Он крупными, пушистыми хлопьями ложился белым ковром на землю и не таял. Будто извинялся за свой поздний визит к середине зимы, или напоминал о том, что и он «вспомнил» о визите своевременно. Сегодня было 13 января, а значит Новый год по старому стилю. Глядя на эту красоту, чуть позабытую, Дарья Андреевна слепила снежок и бросила в собаку, радостно нюхавшую снег, чихая и повизгивая, и забывшую о своем утреннем туалете. «Жаль, если снег растает», – подумала Дарья Андреевна, сметая веником с крыльца «белое покрывало».

Родившаяся в Западной Сибири, и прожив там до 2008 года, она привыкла, что зима – это зима, со снегом и морозами, лето – это лето, а весна и осень – переход из одного времени года в другое. Снег выпадал уже в октябре, а весна начиналась не раньше середины марта. Лето начиналось в июне и длилось до середины сентября. Здесь же, в донских степях, времени года, под названием «зима», как будто и не было. Уже в конце февраля пахло весной, в апреле начиналось лето с ветрами суховеями и изнуряющей жарой, а в ноябре начиналась осень. Иногда, в декабре выпадал снег, но к обеду таял, оставляя напоминание о себе только в тени. Чаше шли дожди или морось. Ночью столбик термометра мог опуститься ниже минус 10 градусов, а днём подняться до нуля и выше. Здесь, Дарья Андреевна, впервые увидела очень низкое и тёмное ночное небо, «неправильную» луну, которая в течение трёх часов переселялась с востока на юго-запад и частые «сухие» грозы. Она сомневалась в правильности определения такого природного явления, но, иначе, назвать его не могла. По вечерам, после захода солнца, это явление, напоминало фильм-катастрофу. Молнии сверкали, казалось, со всех сторон, от их яркости становилось светло, как днём. Разряды молнии были частыми, длились часами, но, ни грома, ни дождя не было – это было неправильно в её понимании и очень пугало.

Чуть больше года прошло с тех пор, как Дарья Андреевна с мужем и собакой переселились из городской квартиры в 2-х этажный дом на небольшом хуторе в 15 километрах от города. Дом был небольшой. Жилая площадь всего дома была чуть больше ста квадратных метров, а земли под участком – десять соток. Дом был хорош, и очень нравился супругам. Второй этаж был отделан уже после покупки и по их желанию. Первый этаж занимала кухня, размером в 15 квадратных метров, гордость хозяйки, котельная, душевая, туалет, прихожая с деревянной лестницей на второй этаж, гостиная, из неё вели двери в кабинет и спальню. На втором этаже располагались четыре спальни квадратов по тринадцать, небольшой холл, гардеробная и туалет. Дарья Андреевна очень надеялась на то, что придёт время, и их дети, два сына и дочь с семьями, на лето будут приезжать в гости, и у каждой пары будет отдельная комната. Комната дочери была единственной жилой из четырёх, три были без мебели, и дело было за малым, за финансами. Она надеялась на продажу квартиры родителей, оставшуюся в Сибири. Это помогло бы сделать все комнаты жилыми, но с продажей были проблемы. Хотя им и так крупно повезло. Продав «наследственную» квартиру в Москве, пусть и небольшую, и квартиру,

купленную Андреем Ивановичем по сертификату в марте 2008 года, они купили новую квартиру в городе на Азовском море, хорошую машину, на которой приехали сюда своим ходом и этот дом. Цены на жильё к осени снизились – остались средства на отделку второго этажа и свадьбу дочери. У них были варианты получения «быстрых» денег, но было одно «но». Сергей, младший сын, собирался жениться. Сейчас он был в автономном плавании, и о дате свадьбы родители не знали. Они приняли решение: в марте поехать в Москву, получить деньги, отметить свадьбу, а уж потом заняться мебелью.

При доме был сад, разбитый с началом строительства, теперь уже и новыми саженцами. Груши, яблони, черешня, персики, вишня, малина, виноград были с разными сроками созревания, и они уже дважды собирали урожай. Во дворе росли кусты роз. Они были разных сортов и оттенков, и цвели три раза за лето. Дарья Андреевна быстро освоилась на новом месте и познакомилась с соседями. Некоторые из них, в основном молодёжь, работали в городе, другие – здесь же в сельскохозяйственном кооперативе, который выращивал зерновые, овощи, фрукты и даже ягоды. Многие держали свое подсобное хозяйство, и проблем с покупкой свежих молочных продуктов у неё не было. На хуторе было два магазина – современное сельпо, где продавали всё: от хлеба до калош. Была почта, начальная школа, детский сад и фельдшерский пункт, куда её приглашали на работу. Но самое главное – близость до города, асфальтированная дорога прямо от ворот дома. Два маршрутных такси и автобус увозили всех желающих хуторян в город рано утром и после шестнадцати часов привозили назад.

Бетти, набегавшись, стала рядом с хозяйкой, ожидая её действий. Красавица овчарка по кличке, согласно родословной, Элизабет, стала членом семьи шесть лет назад. Неоднократная медалистка и дважды мама элитных щенков была любимицей. За это время она привыкла к ласковому Бетти, к обычному Лиза или Лиз, и недовольному Бэт и вела себя соответственно.

– Идём домой? – спросила Дарья Андреевна, открывая дверь.

Она покормила собаку, заменив в миске воду, и начала готовить завтрак мужу, слыша звук льющейся воды в душевой. Туманов Андрей Иванович, бывший военный, а ныне пенсионер, привёз жену и дочь на свою малую родину и в настоящее время работал в городе в одной из частных медицинских клиник. Выйдя из душевой и застав жену за приготовлением завтрака, посмотрел на нее серьёзно.

– Если снег к обеду не растает, не вздумай брать в руки лопату. Приеду – все дела сделаю, у меня сегодня приём до обеда. Обещаешь исполнять сказанное?

– Договорились! Торжественно клянусь, – сказала Дарья Андреевна, ставя тарелку с завтраком на стол. – Может продлится возможность полюбоваться зимним пейзажем?

– Синоптики обещали не только снег, но и ветер, тогда жди снежных заносов, а зима продлится минимум неделю. Подумай, что привезти из города, чтобы в выходной не ехать на рынок.

– Список готов был ещё вчера, – сказала Дарья Андреевна, протягивая мужу листок. Будут очереди – не стой, сегодня, как ни как, праздник у большинства. Главное купи хлеб, масло, батон, остальное не срочно.

– У тебя какие планы на сегодня? – спросил Андрей Иванович, убирая посуду со стола. – С утра за гладильный станок? Умеешь ты находить себе работу, – муж поцеловал её в щеку. – Спасибо за завтрак, я побежал. Успею почистить дорожки от снега.

Пока прогревалась машина, он убрал снег у ворот гаража и, помахав жене, стоявшей у окна рукой, взял курс на клинику, где через сорок минут у него начинался приём. Дарья Андреевна застелила постель, открыла все форточки и направилась на кухню. Ей предстояло приготовить обед-ужин, поскольку график работы мужа позволял обедать часов в шестнадцать и ужин становился просто вторым блюдом. Уже с десятков лет, в семье было принято решение готовить обед и ужин по заранее оговоренному меню. Все члены семьи «прикладывали» к этому руки. Родители работали, а сын и дочь были достаточно взрослыми для нехитрых супов

и шей. Теперь остался только шеф-повар в лице Дарьи Андреевны на двух едоков, но решение оставалось в силе. Нет ничего проще, когда знаешь, что приготовить. Она надела поверх домашнего костюма передник, положив в его карман мобильный телефон, принялась за дело. В сегодняшнем меню был куриный суп с домашней лапшой и вчерашний гуляш с картофельным пюре, ожидающий очереди в холодильнике. Части курицы варились на медленном огне, когда она разбила в миску с мукой яйцо и принялась замешивать тесто на лапшу. Руки были в муке, и она не стала брать трубку домашнего телефона, услышав звонок. «Семья звонит на сотовый», – подумала Дарья Андреевна до того, как сработал автоответчик и после сигнала послышался женский голос: – «Здравствуйте. Вы знаете, что у Вашего мужа есть молодая любовница, и она ждёт от него ребёнка?». Послышался сигнал отбоя. Дарья Андреевна присела на стул, машинально продолжая замешивать тесто. «Что это? Может, ошиблись номером? На шутку не похоже», – ополаскивая руки под краном, думала она. Достала мобильник и набрала номер, который высветил определитель.

– Клиника «Здоровье»! Чем я Вам могу помочь? – ответили ей.

– Извините, я ошиблась номером, – сказала Дарья Андреевна и вернулась в кухню. Это была клиника, где работал её муж.

Дарья Андреевна, продолжая заниматься делом, вспоминала, как выходя замуж за Андрея в тридцать лет и имея десятилетнего сына, не была уверена в длительной крепости семейных уз. Во-первых, их роман начался стремительно, после короткого знакомства, во-вторых, родители Андрея долго не принимали её в семью из-за разницы в возрасте в три года и почти взрослого сына. «Через 10-15 лет наша разница в возрасте станет заметнее, и тогда ты найдешь себе молодую жену», – говорила она мужу, на что тот отвечал: – «Вот тут ты, Дашка, промахнулась. Я однолюб». Даша была влюблена, ей хотелось создать семью именно с Андреем и она, плюнув на все условности и мнение окружающих, вышла за него замуж. За четырнадцать лет совместной службы, они сменили всего два гарнизона, а потом служили в городе, где познакомились. Выходя замуж за лейтенанта и «дослужившись» до подполковника, воспитывала троих детей и только четыре года назад вынуждена была оставить профессию хирурга, имея высшую категорию и почти двадцать восемь лет «чистого» стажа. За четверть века совместной жизни они ни разу не поссорились, для этого не было повода. Были мелкие разногласия, но они решались так, же быстро, как и возникали. Они до сих пор относились друг к другу с любовью, теплотой и нежностью. Старший сын стал военным лётчиком, был женат и имел двух сыновей. Младший сын служил на флоте офицером-подводником, был пока холост. Дочь окончила юридический факультет университета и работала в адвокатской конторе. Все дети выбор свой сделали осознанно и мечту исполнили, были самостоятельными и дружными, чем родители гордились. Дарья Андреевна допускала возможность романа мужа, но раньше, в то время, когда она была полгода в Чечне – это было десять лет назад, или во время ее болезни, восстановление после которой заняло год, но не сейчас. После переезда в этот дом, ей казалось, к ним с мужем вернулась вторая молодость, они жили друг другом. «Окажись это правдой – я её первопричина. Что-то сделала не так или не то, чего-то не додала. Мне скоро 55, я держу форму, но не стану отрицать того, что теперь вокруг Андрея не мужчины в армейской форме, а молодые женщины, и каждой из них хочется счастья. Разберёмся!» – сказала Дарья Андреевна вслух, даже не заметив этого, и не испытывая ни ревности, ни обиды, ни тревоги.

Закончив с обедом, она включила телевизор, поставила гладильную доску, удобно усевшись на диване, занялась глажкой белья. Просмотр фильма давал возможность переглядеть кучу вещей и белья, как бы между делом, незаметно. Разложив вещи, Дарья Андреевна взглянула в окно. Снег уже не падал, но и не таял.

– Лиза, гулять пойдём? – обратилась Дарья Андреевна к собаке, надевая верхнюю одежду.

Часы показывали 13:40, а термометр – 8 градусов. Солнце едва пробивалось сквозь облака, а на дворе было белым бело. Взяв деревянную лопату, забыв про обещание мужу, она,

изображая маленький «бульдозер», проложила маршрут от крыльца до калитки и обратно. Получилась узенькая тропинка, покрытая тротуарной плиткой. Взяв чуть правее, повторила маршрут. Теперь можно было пройти не оставляя следов на снегу, толщина которого была сантиметром пять-семь. Немного отдышавшись, убрала снег от ворот гаража, действуя проверенным методом. За этим занятием её и застал муж.

– Что труженица, наработалась? – спросил муж, открывая ворота гаража. – А кто торжественно клялся? – он въехал в гараж, захватив пакеты из салона, и они направились в дом. – Красота! Прямо как у нас в Сибири, жаль, что ненадолго. Идём обедать, я купил кое-что без списка.

Разобрав продукты и накрыв стол к обеду, Дарья Андреевна пригласила мужа, который рассеянно смотрел телевизор.

– Устал? – спросила жена участливо?

– Физически не очень, а вот морально сильно. Может мне клинику сменить? Это не коллектив, а какой-то серпентарий, и все молодые особи готовы съесть друг друга, ужалить, задущить. Есть толковые медсёстры, а есть Богом обиженные. Не смейся. У них одно на уме – подцепить богатого дядьку, а там уж у каждой своя тактика. У нас, месяца три назад, появилась новая секретарша. Зачем? Теперь в приёмной восседает длинноногая красавица, лет двадцати пяти. Интеллекта нет даже в зачатке, но вульгарности и наглости выше крыши. Перед Новым годом, я тактично отказался с ней танцевать и знаешь, что она мне сказала? «Вы об этом сильно пожалеете. Я не привыкла, чтобы мне отказывали». Нормально?

– Тогда тебе стоит это послушать, – сказала жена, пройдя в гостиную и включив автоответчик телефона.

– Перемотай, я запишу на диктофон, – попросил Андрей Иванович, и когда запись закончилась, продолжил. – Ты в этот бред поверила? Только не говори присказками, что седина в бороду и так далее, а с этим я завтра разберусь. Даша, ты мне обещаешь просто забыть о звонке? Да это неприятно, но верить в подобную чушь ещё большая глупость.

Дарья Андреевна по тону мужа поняла, что это «развод». Будь он виновен, она поняла бы это по жестам, взгляду, но он был спокоен и может, чуть расстроен её закравшимися сомнениями.

– Уборка снега отменяется! Посмотри, что творится за окном, – попросил он жену.

Снег уже не падал, а порывами ветра поднимался вверх и разносился с места на место. Свинцовые тучи закрыли небо, а ветер свистел в проводах – погода начинала портиться. Дарья Андреевна не любила такой ветер. Он выматывал её физически – начинались головные боли, и морально – её тревожили последствия такого стихийного явления – отключения света, перебои с водой и т.д. Даже спутниковая антенна не принимала сигнала, и телевизор смотрел тёмным экраном.

– Иди спать, а погасят свет, я тебя разбужу, – сказала она мужу, протягивая таблетку от головной боли и выключая все электроприборы кроме холодильника и котла, отопляющего дом.

Не зная чем себя занять, она прошла в кабинет. Кабинетом они называли комнату на первом этаже, где основной мебелью были полки с книгами, они занимали две стены. Это были книги, привезённые контейнером за 4 тысячи километров, и каждая из них была, если не подаренная, то купленная осознано, и оставить их не взяв с собой, было бы преступлением в понятии хозяев. Отечественная и зарубежная классика, фантастика, детективы и конечно литература по медицине. В углу стоял компьютерный стол, кресло и небольшой диванчик, больше напоминающий широкое кресло. Пробежав глазами по корешкам книг, Дарья Андреевна думала с какой из них скоротать время, когда заметила, что альбомы с семейными фотографиями стоят не там и не так. Она достала самый старый альбом, с фотографиями её роди-

телей и деда. На ум пришла песня Э.Пьехи: «Чтобы всё повторилось с начала, загляните в семейный альбом», и она открыла первую страницу.

Глава 1

Единственная послевоенная фотография семьи Барышевых – Иван Андреевич, Дарья Васильевна и их дети Андрей и Сталина. Барышев Иван Андреевич родился в 1910 году в семье земского врача и был третьим, поздним ребенком. Ему было четырнадцать, когда умер отец, а через год и мать. Младшего брата забрали к себе старшие, к тому времени обосновавшиеся в Москве, но временно, пока Иван не поступит учиться или работать. Молодой Барышев «болел» медициной и мечтал стать доктором как его отец. Закончив обучение в школе, он поступил в университет на лечебное дело и блестяще его закончил, получив диплом хирурга. Не рассчитывая на братскую помощь, без протекции, по направлению он попал в одну из московских больниц и снимал комнату, ожидая очереди в коммуналку. Будущую свою жену он видел часто, она была дочерью главного врача и приезжала к отцу. Ивану очень нравилась девушка, и он даже влюбился в нее, но природная скромность и здравомыслие не позволяли ему с ней познакомиться. «Где она, а где я», – думал он. Судьба свела их сама. Дарья повредила ногу, и её привезли в больницу отца, а принимал пациентку Иван. Отец Даши был наслышан о перспективном молодом хирурге, теперь он наблюдал его в деле. Травма была несерьёзная и Даше просто наложили тугую повязку. Молодые люди познакомились, а отец Даши пригласил молодого доктора в выходной день в гости на дачу. Даша в свои двадцать с небольшим лет была единственным ребёнком, избалованной и свободной от каких-либо условностей девицей. Закончив учёбу в техникуме, она нигде не работала, а замуж, в ближайшем времени не собиралась. Отец её был другого мнения на этот счёт и мечтал выдать дочь замуж, чтобы избежать слухов и сплетен, которые уже ходили за спиной дочери вереницей, а это было плохо для его положения. В лице влюблённого Ивана он и нашёл достойную партию своей дочери. С ней был разговор короткий: – «Или ты выходишь замуж за Ивана, или устраиваешься на работу и зарабатываешь на жизнь сама». Даша выбрала первое. Молодой человек был красив, умен, с таким не стыдно показаться на людях и был влюблён не только в Дашу, но и в свою работу, а значит, будет пропадать большую часть времени там.

Через год молодые люди поженились, и Иван перебрался в квартиру тестя. Семейная идиллия длилась не долго. Уже через месяц Иван ощутил всю «прелесть» выходного дня, когда в доме уже к обеду собирались гости и расходились ближе к полуночи. Если в доме не было гостей, жена вела его туда, где они уже собрались. Первое время Иван уступал жене, потом позволял ей ходить одной. С рождением детей как-то не получалось и Иван было уже смирился, когда в 1940 году у них родилась дочь, которую называли Сталина. Свершившийся факт он принял без особой радости, зная, чей это ребенок. Он не упрекал жену, не обвинял, просто сказал: – «Хочешь уйти – держать не стану, даже ради карьеры, но любви не осталось, перегорело всё вместе с наставленными мне рогами. Решешь остаться – девочке дам свою фамилию, может, со временем, и полюблю, она в этой истории виновата меньше всего». Дарья Васильевна не нужен был развод, её устраивала семейная жизнь, которая не ограничивала свободу.

С началом войны все изменилось не только в их семье. До 1942 года Иван Андреевич работал в городе, а потом, вместе с передвижным госпиталем, дошёл до Дрездена. Здесь его жизнь круто изменилась. В госпиталь привезли мальчика лет 12-13 вместе с ранеными. У него было ранение, сильная контузия и сложный перелом ноги. Если с раной все обошлось, с переломом нужно было поработать, иначе парень будет хромать. Мальчик говорил на русском плохо, но говорил, и после непростого диалога, Иван Андреевич начал действовать. Этот парень чем-то его зацепил, а ещё, его поразило сходство мальчика с собой. Иван Андреевич вспомнил братьев. Владимир был военным и погиб в сорок первом. Его семья живёт в Москве, и у него было две дочери. Николай в сороковом году переведен по работе в Смоленск. У него два сына Павел и Андрей, оба родились в Москве. Идея, пришедшая на ум, была бредовая, и Иван Андреевич

сам не верил в реальность её осуществления. Но отправился к начальнику госпиталя, и рассказал о племяннике, которого привезли несколько дней назад вместе с ранеными бойцами.

– Мне нужно попасть в Смоленск. Что мне делать? У него нет документов, а мне через три дня с эшелоном домой. И взять я его с собой не могу, и оставить тоже.

– А ты уверен, что это твой племянник, а не сын, уж больно похож. Видимо во время бомбежки удалось бежать из лагеря. Ты давай езжай в Смоленск, а потом догоняй эшелон. Думаешь, нужна будет еще операция на ноге? Вот в Москве и проведёшь.

Ивану Андреевичу удалось узнать и даже получить справки в военкомате о гибели брата и его жены, нашлись свидетели того, что Андрея действительно отправляли эшелоном в Германию. Получив документы на имя Барышева Андрея Николаевича, они вернулись в Москву вместе. Справка о гибели родителей процесс усыновления сделала быстрым. Теперь у мальчика были настоящие документы и приёмные родители, при этом он стал на год моложе.

– Иван Андреевич, мальчик ведь не сын Николая, кто он и зачем ты его привёз? – спросила жена. – Это твой сын?

– Он наш сын Дарья Васильевна, мы его с тобой усыновили. Хочешь знать правду? Это немецкий мальчик, потерявший в один миг всю семью. Ты запомни одно раз и навсегда – вскрыется правда, пострадают все, в том числе и ты, и дочь, так что никогда больше не заводи разговоров на эту тему, – сказал Иван Андреевич добавив, – будь добра, относись к нему, если не с любовью, то без злобы. Замечу слёзы на глазах сына – удавлю. Дочери всего пять лет, но она в отличие от тебя растёт девочкой умной и доброй, букварю парня учит, сделай что-то хорошее в своей беспутной жизни, не девочка уже.

Андрей занимался по 7-8 часов в день и дома, и в больнице, куда его определили на повторную операцию. По договоренности с отцом, он в присутствии посторонних больше молчал, отвечал на вопросы односложно или киванием головы. Дома же у него не закрывался рот, он во всем слушался Сталину, которая принимала их занятия за игру и была довольна послушным учеником. Иван Андреевич, работавший теперь в «Склифе» был занят по 10-12 часов, но находил силы и время для занятий с Андреем, а по выходным они даже гуляли по Москве, отдыхая от праведных трудов. Андрей пошёл в школу через год, в его медицинской карте и справке было написано: «частичная потеря памяти и голоса, в результате тяжёлой контузии». Контролируя свою речь, он говорил практически без акцента. Закончив обучение в школе, он поступил в военно-медицинскую академию. Все каникулы он проводил с отцом дома, и на работе, подрабатывая санитаром, кем придётся. Иван Андреевич одобрял выбор сына и хотел видеть в нём своего приемника, но понимал, что судьба у него должна быть своя. «Парень стремиться быть самостоятельным, независимым. Зачем же ему подрезать крылья?» – думал он, провожая сына после каникул. После академии Андрей Барышев получил предписание в далекую Сибирь. Отец взял с него слово писать письма и приезжать в отпуск.

– Жену, сынок, выбирай не умом, а сердцем, – говорил отец, обнимая сына у вагона.

Андрей писал отцу раз в неделю, десять дней и с такой же регулярностью получал ответы. Узнав о решении сына жениться, отправил посылку прямо к свадьбе. Получив известие о рождении внучки, уже через неделю приехал в гости с подарками. Уезжая из дома, как бы случайно обронил жене: – «Как бы ты к Андрею не относилась все эти годы, дочь свою он называл твоим именем, а это Дарья Васильевна, дорогого стоит. Подумай об этом». С этого момента отец и сын виделись ежегодно. Пока внучка была мала, Иван Андреевич приезжал в отпуск в любое время года, а когда Даша подросла, Андрей с семьей ехал в отпуск именно через Москву, чтобы побыть с отцом пару недель. К тому времени Сталина вышла замуж, родила двоих детей и вместе с мужем жила в четырехкомнатной квартире Ивана Андреевича, полученной на Кутузовском проспекте. Он, вспоминая начало своей семейной жизни в квартире тестя, не перечил столь многочисленному семейству, зная, что это временно. Дочь Сталина с семьёй, была прописана в квартире своей бабушки, матери Дарьи Васильевны. Но та, не готова была принять

беспокойное семейство в своём возрасте. Ей исполнилось 75-ть лет. Отношения с дочерью у него были ровные и даже дружеские, прошло 25 лет. Когда приезжал Андрей с семьей, отец увозил их на дачу и как будто молодец от таких встреч. В свои пятьдесят с небольшим, он был профессором, имел научные труды и разработки, читал студентам лекции, но продолжал оперировать. Бабушка Дарья Дашу не приняла. Мало того, ни разу не назвала внучку по имени, а слово «детка», стало для девочки «нелюбимым». Семья Андрея перестала совсем бывать в городской квартире. Тетя Сталина наоборот хорошо относилась к семье брата, но встречались они теперь только на даче. Муж у неё работал в райкоме комсомола, потом партийным работником средней руки.

– Звёзд с неба не хватает, но семью кормит, – говорил Иван Андреевич сыну о зяте. – Сталину пристроил в чиновники, теперь она инспектор в отделе народного образования.

Так они и жили от встречи к встрече, от отпуска к отпуску. Сибирские Барышшевы года три жили в коммуналке, пока им не дали двухкомнатную служебную квартиру, Даше было лет 10-11. Весь этот квартирный вопрос наблюдал Иван Андреевич, но в какую бы он квартиру не приезжал, ему находилось место, и ему были рады. Ему нравилась сибирская зима с метелями и морозами, знойное лето, река Обь и сосновые леса в округе, и внучка, такая умная, самостоятельная, внимательная и заботливая. Как-то вечером он завёл разговор с сыном.

– Ты всем доволен сынок? Может на гражданку пора? Сколько лет выслуги? – задал он вопросы сыну.

– Меня всё устраивает, отец. Думаю и дальше служить, лет пятнадцать, пока глаза видят и руки слушаются. Марии работа нравится. Климат здесь нормальный, природа, а у вас сплошные каменные джунгли.

– Я подумал, может тебе в Москву перебраться. Опыта ты набрался, будем вместе работать, пока я ещё что-то могу. Подумай, Андрей. Пропишу вас в квартире, Маше найдём работу, Дашуля подрастёт – такие возможности будут. Я не вечный, сын.

– Ты у нас ещё крепкий. Может ты к нам? Маше предложили вступить в кооператив, новый дом строят для медработников. Всем места хватит, если возьмём трёхкомнатную квартиру. Я не поеду, отец, и про прописку забудь. Дарья Васильевна не оценит твоей инициативы, мало того судиться с ней из-за жилплощади я не буду. Ты на своём месте отец – и учёный, и практик. Мне первого не дано, таких как я много и все рвутся в Москву, а здесь я на своём месте, при деле.

– Я так и думал, что откажешься, не удивлён, но вот от моей помощи в виде первого взноса в кооператив отказ не принимаю. Сколько и когда решайте и не забудьте сообщить. Я попросить тебя хотел, сын, – возьми меня в госпиталь на экскурсию, а лучше на плановую операцию, считай это моей блажью.

Андрей не мог отказать отцу, а чтобы все было официально, придумали консультацию профессора из Москвы. Отец остался доволен работой сына, тот работал грамотно, быстро, принимал правильные решения, а главное как будто не замечал окружающих, кроме больного и ассистентов.

Иван Андреевич приехал на новоселье в июне 1970 года на целый отпуск, привезя как всегда подарки. Даша сдавала экзамены за 8 класс, а родители пошли в отпуск одновременно. Мужчины устраивали быт, что-то переделывали, что-то перевозили, но по выходным они все вместе выезжали на рыбалку или в лес на отдых. Барышеву «старшему» удалось пожить в новой квартире две недели. Новый дом, построенный на месте снесенных аварийных домов, был построен буквой «Г», главным фасадом на одну из центральных улиц, и прикрывавший своим видом два двухэтажных жилых дома, тоже ожидающих своей очереди. Двор для нового и старых домов оставался общим. Даша познакомилась, подружилась с ребятами и новосёлами, и старожилами. Теперь познакомилась с новыми друзьями и дедушку. Года три назад, он познакомился с семьей Маши и всей её многочисленной роднёй. Прожив две недели в деревне, был

очень удивлен и поражен устройством быта местных немцев. Друзья Даши были детьми учителей и рабочих, небольшого завода, но каждый для себя уже выбрал путь. Костя пошел учиться в ПТУ не по призванию, а по убеждению, что поступает правильно.

– Я получу профессию и среднее образование, получу квартиру быстрее чем, где-либо, перестану сидеть у родителей на шее. Учиться можно будет дальше и заочно, – говорил он Ивану Андреевичу за чаем на кухне новой квартиры, где собрались новые друзья Даши. – Может, и я стану инженером-строителем лет через десять.

– Мне бы тоже хотелось стать врачом, но с одной стороны я боюсь экзаменов, а с другой стороны, мне просто хотелось иметь профессию до отъезда, может техникум – это выход для меня, – говорила Катя, как будто оправдываясь перед бабушкой Иваном.

– Вы ребята оба по-своему правы, я тоже считаю, что пока Костя не определится с профессией – это выход, главное чтобы это определение не затянулось до пенсии. С Катюшей все гораздо проще. Если она попадет в ГДР, ее профессия будет востребована, и она может продолжить обучение, а вот если в ФРГ – будет переучиваться заново и будет не важно, какой у тебя диплом, а вот практические навыки пригодятся.

Ивану Андреевичу нравились все эти люди от родителей Маши до друзей Даши. Казалось они из другого мира, где умеют радоваться малому, помогают друг другу бескорыстно, мечты у них реальные, а не в надежде на «дядю», живут дружно, не заглядывая далеко в будущее, ценя настоящее.

На следующий год Даше исполнилось шестнадцать, и она уже самостоятельно ехала до Москвы, где её встречал дедушка, с которым они вдвоём отправились на море. Это был незабываемый отдых деда и внучки, еще через год Иван Андреевич получил телеграмму: «Я студентка. Буду хирургом. Целую. Даша». Катя поступила в медицинский техникум. Обе девушки, хотя и учились в разных заведениях, проходили те же предметы и дисциплины, поэтому готовились к занятиям вместе, как повелось со школы – у Даши. Катя жила вместе с мамой в одной комнате, а у Даши была своя. Обе девушки получали стипендию, но у Даши она была чуть больше, а еще ей помогал дедушка, то посылкой, то деньгами. Мама Даши, иногда к празднику покупала обновку к празднику, которая не подходила Даше, но была в пору Кате. А вот благодаря Кате, которая увлекла её и отца немецким языком ещё в школе, они занимались до самого отъезда и могли разговаривать свободно. Закончив обучение на первом курсе, и перейдя на второй, подружки приняли предложение Ивана Андреевича, с которым поехали в Крым. Катя была на море в первый раз и была очень благодарна Даше и её бабушке. Они втроём вернулись в Москву, и через неделю девушки поездом уже возвращались домой. Счастливы были не только подруги, их разговоры длились месяца два после поездки, но и помолодевший дедушка Даши. Он, как будто губкой, впитывал все положительные эмоции, связанные с поездкой и «тратил» их дозированно.

Иван Андреевич очень гордился семьёй сына, чего не скажешь о семье дочери. Переехав, в квартиру тёщи, ещё лет пять назад, дети практически не покидали их квартиру. Они были школьниками 11 и 12 лет и находились под присмотром Дарьи Васильевны, которая баловала их без меры, и только присутствие деда делало их сносными. Дед в своей квартире «играл» по своим правилам, часто вспоминая при этом Дашу. «Может, перерастут? – глядя на них, думал он, и сам же себе отвечал: – На этих внуках природа отдыхает».

Костя вернулся из армии через два года, отслужив в ВДВ, устроился в строительную организацию крановщиком башенного крана. Света, закончив учебу на втором курсе педагогического института, вышла замуж и переехала в другой район. Компания теперь встречалась только в выходной или по вечерам. Костя признался Даше в чувствах и предложил дружить, но Даша, перевела все в шутку: – «Мы же и так дружим не первый год».

– Даша, не держи меня за идиота. Тебе Виктор нравится? – задал он вопрос напрямик. – Я когда вас вижу вдвоём, очень ревную. Пойми, он не так прост, как кажется, эгоист, и я не хочу, чтобы ты потом страдала.

– Костя, мы же с Виктором учимся в одной группе, на одном курсе, живём в одном дворе и едем в институт одним транспортом. Не глупи, среди друзей нет секретов.

Не могла же Даша признаться Косте в том, в чём не признавалась даже себе. Виктор ей действительно нравился и с каждым днём все сильнее. Он устроился работать санитаром в городскую больницу, стал одеваться не дорого, но модно, у него появилась куча друзей среди старших курсов, и согласно статистике в группе он был 1 на 10 девчат. Единственное, что Даше не нравилось, это его короткие, частые романы, он менял подружек как перчатки, а среди сокурсников его называли не иначе как Победитель.

В начале третьего курса, на очередном вечере посвящения в студенты первокурсников, Виктор пригласил Дашу на танец, потом ещё на один, на завтра позвал в кино. Она была знакома с Виктором до поступления и, казалось, знает его лучше других, не замечая, что ухаживает он за ней вне стен института. Он стал бывать у них дома, распивая чай с родителями и делаясь своими дальнейшими планами. Они целовались в подъезде. В один из вечеров, когда родители были на дежурстве, Виктор засиделся в гостях допоздна, тогда всё и случилось. Поцелуи, объятия, постель и ни разу она не услышала от него слов о любви. Это была первая близость Дашы с мужчиной. Виктор извинился за свою несдержанность, быстро засобиравшись домой, неловко поцеловал её в щеку перед уходом. В институте он лишь здоровался с Дашей как со всеми, а она делала вид, что он ей совсем не интересен, что было истиной правдой. Она винила во всём происшедшем, в первую очередь, себя. Те чувства, которые она испытывала к Виктору, как будто испарились вместе с его равнодушием, а ведь они ни один год дружили. Через месяц она узнала, что беременна и сообщила об этом Виктору.

– Я как честный человек, лишивший девушку невинности, обязан на тебе жениться. Может, это к лучшему. Родители знают? Вечером я зайду, сообщим вместе, только в группе пока ни слова. Идем, лекция начинается.

– Ты меня не любишь. Зачем всё это? – спросила Даша.

– Даша, не будь ребёнком. Мне даже привезти вас не куда, ты знаешь, как мы живем. Заладила: люблю – не люблю. Что это меняет?

Даша отсидела на двух парах, и, почувствовав себя не важно, засобиравшись домой. Погода была холодной для поздней осени, но безветренная, выйдя на остановку раньше, она решила пройтись пешком. Идя через сквер, ведущий к дому, увидела цыганку, а рядом с ней, свою сверстницу. «Будет тянуть деньги с девчонки, подожду», – подумала Даша, машинально усевшись на скамейку. Она открыла свою сумку и сделала вид, что что-то ищет. Цыганка моментально оказалась рядом.

– То, что ты потеряла, в этой сумке тебе не найти, – сказала она и присела рядом. – Руку дай!

– Мне не надо ничего, не нужно гадать, не нужно ничего знать наперёд, мне нужно всё забыть, – говорила Даша, а рука сама тянулась навстречу руке цыганки.

– Скажу, что вижу. Рука у тебя тёплая и мягкая, добрая ты, доверчивая, но глупая, доверяешь тем, кого обходить стороной надо. Человека для жизни ни того выбрала, не будет тебе счастья с ним – не спеши замуж. Выйдешь замуж, когда много переживёшь, повидаешь и потеряешь, но это будет не скоро, хотя и навсегда. Прости милая, другой судьбы тебе не дано, не вижу я другой, а теперь иди, денег я с тебя не возьму. Иди с Богом.

Даша направилась домой и до самого прихода родителей всё думала о том, что услышала от цыганки. Зашла Катя, заметила перемены в настроении подруги и спросила напрямик:

– Даш, что случилось? Ты последнее время стала какой-то другой.

– Не переживай, Катюша, всё у меня нормально, сплю мало, устаю. Сдам зачёты, все наладится.

Виктора в этот вечер Даша так и не дождалась. Утром она не застала его и в институте, хотя пропуски занятий были для него редким и уважительным явлением. «Может, заболел?» – подумала она, решив после пары проверить. Не заходя домой, направилась к дому, где жили Костя и Виктор. Взлохмаченный, полуголый Витя, открыл ей дверь и долго соображал, впускать ли Дашу в квартиру. Пока он соображал, Даша сама прошла в прихожую и увидела в проёме двери разобранный диван, а на нём свою сокурсницу в неглиже.

– Извини, я думала, ты заболел. А ты оказывается жив, да ещё как здоров.

– Я женюсь на тебе, как обещал, но пока не мешай мне наслаждаться жизнью, – говорил он, прикрыв дверь в квартиру.

– А кто тебе сказал, что я выйду за тебя замуж? Я сама во всём виновата, увлеклась красивой оболочкой. У меня всего одно условие – переведись в другую группу и делай вид, что мы с тобой едва знакомы. Сделаешь – для тебя пройдёт всё безболезненно, нет – обещаю неприятности, ты знаешь – я могу. Думай!

Дома Даша дала волю слезам. «Как же я могла влюбиться в этого Казанову? Где были мои глаза и уши? Его ухаживания весь курс не воспринимал всерьёз. Он менял девушек как перчатки и я, зная об этом, стала той самой разменянной парой. Я смогла бы это пережить безболезненно, если бы не последствия моей ошибки. Мне надо поговорить с мамой. Делать аборт тайком от родителей нельзя, все тайное рано или поздно становится явью», – думала она.

Дождавшись родителей с работы, она накормила их ужином, убрала посуду и только после этого решилась.

– Мама, пойдем ко мне, нужно поговорить, – сказала Даша матери, уселась на кровать по-турецки, ожидая, когда мама устроится в кресле.

– У тебя проблемы? Что случилось? – спросила мать.

– Мамоchка, я беременная, мне нужно сделать аборт, – выпалила Даша. – Я не была ещё у врача, срок недель 5-6. Ты только меня не уговаривай, я не хочу рожать ребёнка от человека, которого не люблю. Я знаю, что аборт при первой беременности опасен последствиями, но я не хочу, – Даша заплакала. Она не заметила, как в комнату вошёл отец, всё это время стоявший под дверью, слыша весь разговор.

– Даша, дочка, это ведь и твой ребёнок, – садясь на кровать и обнимая дочь, говорил Андрей Иванович. – Как знать, может он не унаследует ничего от горя родителя. Через 3-4 месяца он уже будет толкать тебя ножкой, напоминая о себе. Поссорилась с Виктором? Что могло случиться? Только не пори горячку, объясни нам с мамой доступно.

Даша как могла, объяснила своё отношение к Виктору. В её голосе чувствовалась не обида, не разочарование, не злость к нему, не жалость к себе, а полное равнодушие к отцу ребёнка. Казалось, она говорила о едва знакомом человеке.

– Он готов жениться, но я не хочу этого, я его даже видеть не могу, – закончила она.

– Давай, дочка договоримся, у тебя 2-3 недели в запасе есть. Сходи к врачу и подумай ещё раз обо всём. Тебе 20 лет, ты вольна в своих поступках. Мы, конечно, любое твоё решение примем, но отношение наше к тебе тоже изменится, тут уж виновных не ищи. Надумаешь рожать – поможем, все вместе справимся. Если же нет – не обижайся. Так, что думай, дорогая, думай! – поцеловав дочь в макушку, сказал отец.

Через день Даша позвонила бабушке и обо всём рассказала ему. Дед выбора сделать не дал.

– Правнука не трогай, он на нас четверых один будет. Слёзы вытерла, не ты первая, улыбнулась, успокоилась. Ты девочка моя ещё не можешь знать, какое это счастье – дети. Родителям мой наказ передай, и к Новому году ждите, я обязательно приеду, есть повод встретиться. Целую тебя моя радость.

Даша сходила на приём к врачу, сдала все анализы и стала на учёт по беременности. Теперь этот факт можно было не скрывать ни от Кати, ни от ее мамы, а другим он и не был интересен. Виктор, получивший отставку, Дашу не избегал, но и не интересовался её состоянием. Дедушка прилетел на две недели перед Новым 1975 годом. Новый год отмечали вместе с Катей и ее мамой. В большом городе, в каждом районе была своя настоящая зелёная, новогодняя красавица, в окружении снежного городка, с фигурами из льда. Сюда, вечером, 31 декабря, приезжали на санях Дед Мороз и Снегурочка, здесь раздавали детям не дорогие подарки, здесь было праздничное выступление артистов, и зажигались огни на ёлке, которые горели еще неделю после праздника, и где была большая снежная горка. Даша и Катя, возвращались домой, когда встретили Костю с друзьями, который решил их проводить. Уже во дворе дома они увидели Виктора, он их тоже заметил.

– Что, Костя, дождался своего часа? – спросил Виктор, и стало понятно, что он навеселе. – А ведь, я как честный человек, хотел на ней жениться, но Даша у нас девушка гордая, измен не прощает. А она сказала тебе, что беременная?

– Девчонки, идите домой, а мы поговорим, – сказал Костя, обращаясь к Кате и Даше. Девушки отошли в сторону, но не уходили.

– Сколько мы с тобой дружили, Витя, лет пятнадцать? Сколько я тебя от парней защищал, хотя не стоило? У нас с тобой был уговор никогда не подставлять и не обижать своих? – задавал вопросы Костя, не дожидаясь ответов. – Теперь я его нарушу, – сказал Костя и ударил Виктора в челюсть. Тот не удержался и упал. – Вставай, я не бью лежачих противников.

– Был, Костя. Я виноват, я нарушил уговор, – ответил Виктор. – Ну, спасибо, друг, – говорил Виктор поднимаясь.

– Ты не друг, Витя. Ты – ДЕРЬМО! – Удар пришёлся точно в нос, и брызнула кровь. – Это тебе за Дашку, за то, что обманул, а потом воспользовался её доверием. Ты всегда умел добиваться того, что тебе и не нужно совсем. Потешил свое самолюбие? Доволен? – Он в очередной раз ударил противника, который даже не сопротивлялся.

Даша хотела прекратить драку, но Катя крепко держала её за руку: – «Не лезь, будет наука». Их забрали в отделение милиции втроём. «Беги домой, придумай что-нибудь», – успела крикнуть Даша подруге. В отделении разговор с дежурным был короткий, кому хочется возиться с хулиганами в новогоднюю ночь. Костю посадили в «клетку», а Виктора – писать заявление. Вмешалась Даша.

– Меня зовут Дарья Андреевна Барышева, – она назвала адрес проживания, год и место рождения, место учёбы. – Потерпевший учиться со мной в институте, я жду от него ребёнка, но его аморальный образ жизни не устраивает меня, и я отказалась выходить за него замуж. Теперь он меня преследует, напивается и угрожает. – Я правду говорю Витя? – Она протянула ему платок. – Ты будешь писать заявление?

– Не буду я писать. Упал я неудачно. Отпустите их, она действительно беременная, и не хочет замуж.

– Как у вас все просто. Подрались, может и за дело, а если он завтра снимет побои и принесет заявление?

– Тогда я напишу заявление об угрозах с его стороны, о шантаже и преследовании, – сказала Даша.

Они вышли из отделения милиции все вместе, и идти им предстояло в одну сторону. Даша под руку с Костей возвращалась домой.

– Когда он стал таким? – заговорил Костя.

– Мы сами его таким сделали. Восхищались, хвалили без меры, он постепенно привык быть в центре внимания, в институте три года как султан в гареме, вот его и понесло. Он эгоист, любит только себя. Скольких он еще сделает несчастными? Вот и я повелась на красивую эти-

кетку, а внутри пустота. Я помню, о чём ты меня предупреждал, но на, то они и мои ошибки, чтобы на них учиться. Зайдёшь к нам, до Нового года двадцать минут осталось.

– Нет, я домой пойду. Меня, наверное, потеряли, волнуются. С Новым годом, Даша! – он поцеловал ее в щеку.

– С Новым годом, рыцарь! Спасибо тебе за охрану и защиту.

Катя, обо всем случившемся рассказала собравшимся, и все, с нетерпением, ждали возвращения Даши, тем более до боя курантов оставалось двадцать минут. Даша успела во время. Празднование Нового 1975 года удалось на славу. Гости разошлись часа в четыре утра, а хозяйка легла спать ближе к утру.

Дедушка, возвращаясь в Москву, взял твёрдое обещание, звонить два раза в месяц до рождения правнука, а в том, что будет мальчик, он не сомневался. Он оставил деньги на приданое внуку и обещал сразу же приехать. Сдав зимнюю сессию на пятёрки, Даша позвонила дедушке. Будучи на каникулах, она взяла на себя роль хозяйки по дому и теперь очень сочувствовала маме, которая всё успевала и на работе, и дома, и никогда не жаловалась на усталость. «Надо взрослеть Дарья и быть внимательнее к окружающим», – думала она часто. Катя сейчас была на практике и забегала обычно в выходной. В такие дни они обычно гуляли, если позволяла погода или бродили по детским магазинам. С Костей они не виделись до восьмого марта. Он пришёл поздравить её с праздником, отец был на дежурстве, а мама отсыпалась после него. Приняв подарок, Даша пригласила его на кухню.

– Чай с тортом будешь? Папин подарок! – спросила она, присаживаясь к столу.

– Я поговорить пришёл. Как себя чувствуешь? Как малыш?

– У нас все хорошо. Растём, толстеем – всё как положено. У тебя что нового? Сессию сдал?

– Даша, давай поженимся, – не ответив ей на вопросы, предложил Костя. – Ты знаешь, как я к тебе отношусь, и ребёнка буду любить. Через год-два квартиру получим, малыша в ясли, ты институт закончишь, я – техникум. Заживём не хуже других.

– Костя, замуж надо выходить по любви. Я люблю тебя, как друга, а это не та любовь, которой ты ждёшь и которой достоин. Как ты будешь жить с женщиной, которая видит в тебе друга, а не мужа? Я не могу ответить взаимностью. Прости, – говорила Даша, держа его за руку.

– Я отправил документы, думаю уехать на Север после летней сессии. Родители не против моего отъезда.

– Удачи тебе на новом месте и будь счастлив. Не обижайся на меня. Придёшь попрощаться?

– Нет. Давай простимся сейчас, – он крепко обнял её и поцеловал в щеку. – Даша, я точно буду жить вот в таком же доме, в кармане у меня будет лежать диплом инженера, и ты будешь мной гордиться, – с грустью говорил Костя.

– Я тобой уже горжусь. Ты настоящий друг, понимающий, бесхитростный и бескорыстный, – Даша поцеловала его в щёку. – Ты обязательно найдёшь свою вторую половинку и будешь с ней счастлив. Может, мы ещё и встретимся.

Зиму сменила весна, а её лето и началась горячая пора. Даша все зачёты и рефераты, которые можно было сдать заранее – сдала, оставались только экзамены. Экзамены на 37 неделе беременности – это тяжело и морально, и физически. Соседка по площадке Вера Васильевна, смеясь, поддерживала Дашу.

– Не переживай Даша! У тебя времени много, а вот Светлану, думаю, повезём в роддом прямо с экзамена. Это ж надо, как вы всё «не во время затеяли».

Светлана родила мальчика, которого назвали Алексей, 25 июня 1975 года. Дашин сын – Барышев Константин Андреевич, появился на свет 10 июля в 22 часа весом 3800 и ростом 52 см. Прадедушка прилетел к выписке внучки с правнуком с подарками от всей семьи. На семейном совете решили академический отпуск не брать, а продолжать учёбу. Пока Даше помогает

дедушка и Катя. Катя работает на станции скорой помощи фельдшером сутки через двое, а к осени уедет в Германию. Помощь, нужна была моральная, немного хозяйственная. Парень был спокойный, кормился грудью, хорошо набирал в весе и не доставлял длительных «концертов». Поев, он давал возможность приготовить обед остальным, прогулки с прадедом во дворе, позволяли его маме постирать и поутюжить детские вещи, а иногда и погулять всем вместе. Дедушка уехал только в сентябре, а Даша начала заниматься на четвертом курсе. Катя уехала с мамой в Германию. Старые двухэтажные дома снесли, и к весне собирались строить на их месте девятиэтажные дома. Андрей Иванович занимался с внуком полдня один, потом приходила Даша, так прошёл октябрь и половина ноября. В отпуск пошла мама Даши, заменив на посту мужа. Так до Нового 1976 года они и протянули уход за внуком самостоятельно. Парень был практически «взрослый», ему шёл шестой месяц и ему нашли няню на неполный рабочий день с 8 до 13 часов. Летом процедура с отпусками повторилась, но не полностью – в сентябре Костя пошёл в ясли, а Даша продолжила учёбу уже на пятом курсе.

Иван Андреевич Барышев, последние годы обучения Даши в институте, приезжал каждое лето. Даша чувствовала, что дед хочет ей помочь, подкрепить теорию практикой и не сопротивлялась. Кроме того, в год выпуска она стала замечать, что он все чаще пользуется сердечными препаратами, но жалоб не высказывает, делает все молча. Даша поговорила с родителями и поделилась своими соображениями. У нее возник план, после получения диплома, она проходит интернатуру в госпитале отца и туда же уговаривает деда лечь на обследование, а если понадобится и лечение. При этом все операции хирург-интерн проводит под неусыпным взором профессора. План был абсурдным и на 99% не выполнимым (отец назвал её авантюристкой), но была надежда на неплановые, экстренные операции в выходные дни, ночные дежурства.

– Дедушка, у тебя есть две недели на лечение. Мне ассистент с сердечным приступом, даже если он профессор, не подойдет. А если придётся меняться местами? Давай так – проходит две недели лечения и, если ты не передумаешь, начинаются дни ожидания. Согласен?

Дед был согласен на всё. Он понимал, что толкает и сына, и внука на нарушение закона, но у него было оправдание на такой случай – он помогал начинающему хирургу, в отсутствии более опытных коллег. И потом положительный исход операции сводил на нет все условности присутствия постороннего в операционной. Он «принял» экзамен у внучки трижды. Все операции были экстренными, не давали времени на ожидание: острый аппендицит, ножевое ранение, травмы после ДТП. Одно ночное дежурство и два суточных, в течение двух недель, прошли с пользой для деда и внучки. Он дал много дельных советов, а Даша заметила, что присутствие деда в операционной её не пугает. Одного не знали оба заговорщика, что отец был в курсе каждой операции, после звонка дежурной сестры, и приезжая, наблюдал за происходящим тайком. Эти игры не могли длиться долго, и он предложил отцу легальное присутствие на операции, в качестве куратора интерна, которого забирают в клинику Москвы. Таким решением вопроса были довольны все три поколения хирургов Барышевых. Именно с подачи деда, она стала вести обходы больных по его методике, и на протяжении всей своей врачебной практики не нарушала её.

Косте исполнилось четыре года, когда Даша, а теперь уже Дарья Андреевна, начала оперировать самостоятельно, весь год, ассистируя отцу. В отделении даже не возникало разговоров о поблатке дочери заведующего отделением – все сложные операции они проводили одной бригадой.

Ввод ограниченного контингента советских войск в далёкий Афганистан, столкнулся с проблемой транспортировки и лечения раненых. Часть раненых не доживали до прибытия транспорта и попадание в госпиталь. Профессор Барышев разработал систему создания на территории Афганистана мобильных госпиталей военно-полевой хирургии, а также подготовки именно военных хирургов в полевых условиях, а не в городских госпиталях. Рациональность

мобильных госпиталей от приёма раненых до окончания операций была очевидна. Его идею одобрили, но в поездке отказали, сославшись на возраст, Ивану Андреевичу было 70 лет. И тогда он предложил в качестве руководителя мобильной группы своего сына. В марте 1980 года Андрей Иванович вместе с Дашей (они оба носили погоны) и еще десятью военными врачами военно-полевой хирургии отправились в госпиталь Ташкента, затем четырьмя группами по три человека разъехались по мобильным госпиталям. Они не учили как надо, они наглядно давали хирургу урок, что можно сделать в полевых условиях в данной ситуации, чтобы он предпринял сам, его действия и работали сообща. Среди десятков раненых, важно определить тех, кому ты реально можешь помочь, а не брать первыми безнадежных. Упустишь время на таких пациентов, остальные могут не дожидаться помощи. Для них просто не хватит времени. Жёстко, жестоко, бесцеремонно, но таковы факты. Трехмесячные курсы переучивания сократились до двух месяцев, а результаты такого обучения были налицо. За шесть месяцев Андрей Иванович с Дашей прошли Кабул, Файзабад и Кундуз. Медиков здесь берегли и любили. Ходили легенды о золотых руках военных хирургов.

В октябре, вернувшись из Афганистана и не успев выйти на работу, они улетели в Москву на похороны Ивана Андреевича. Он умер от обширного инфаркта в возрасте семидесяти лет. Он не оставил завещания, да Андрей Иванович ни на что не претендовал. В кабинете отца, с разрешения Дарьи Васильевны, он взял только его труды по медицине и большую фотографию, сделанную, скорее всего, для газеты или журнала. После похорон, коллега отца, пригласил Андрея Ивановича в институт, где передал пакет из серой бумаги, перевязанный бечевкой, с надписью: «Моему сыну Барышеву Андрею Ивановичу».

– Иван Андреевич последнее время чувствовал себя неважно, жаловался на сердце, пил таблетки, но от стационара отказывался. Очень ждал Вашего приезда, всегда узнавал у коллег, вернувшихся оттуда о Вас. Крепитесь. Он Вас очень любил.

– Спасибо. Спасибо, что все организовали. Жаль, что так рано ушёл, у нас были такие планы.

– Вы, Андрей Иванович надумаете к нам, не стесняйтесь, звоните, – он протянул листок.

Андрей Иванович рассеяно положил его в карман куртки, и они с Дашей вышли из кабинета. На следующий день они попрощались с родственниками, вдвоем съездили на кладбище, положили цветы и улетели домой. Если бы ни внук Костя, Андрею Ивановичу было бы труднее справиться с утратой. Внук, как будто чувствовал это и как мог, отвлекал деда от мрачных мыслей. Пакет они вскрыли только дома. «Дорогие мои, оставляю вам самое дорогое и ценное, что я заработал за свою жизнь. Только вы можете оценить эти вещи, а Андрей знает даже их цену (в пакете лежали фронтовые награды деда и рукописи его неоконченных трудов) – распорядитесь всем этим самостоятельно. В конверте лежат деньги на подарок доктору Даше к ее свадьбе или моего правнука. Шучу. Последнее время меня беспокоит сердце, и я не знаю, дождусь ли вашего приезда, поэтому приготовил все заранее, а там, как распорядиться судьба. Берегите друг друга. Обнимаю. Ваш отец, дед и прадед».

Андрей Иванович отправил через год рукопись в АМН, как соавтор, подкрепив афганскими примерами и практическими выводами, её объем и формат соответствовали если не докторской, то точно кандидатской, и её издали весной 1982 года. Отец Даши стал кандидатом медицинских наук, сам того не желая.

Лето 1982 года выдалось раннее и очень жаркое. Андрей Иванович с женой и внуком еще в начале июня уехали в отпуск в деревню к родственникам жены. Где они не только отдыхали, но и помогали управляться с большим хозяйством. Конечно, была и рыбалка, и купание в речке и даже походы по грибы, по ягоды, сбор смородины и малины, бабушкино варенье и мёд дедовских пчёл. Косте нравилась деревенская жизнь, в окружении такого количества братьев и сестёр, что он иногда путал, кто чей есть. Здесь никогда не было скучно, и у каждого были свои обязанности. Накормить и напоить птицу, выгнать гусей на речку, встретить коров к вечерней

дойке, да мало ли работы в деревне. Один огород можно полоть каждую неделю, а поливать, а рыхлить? Но всё это делалось «гуртом».

Сама деревня Сосновка находилась на берегу небольшой речки, несущей свои воды в Обь, а с севера деревни тянулся ленточный сосновый бор, справа и слева тянулись поля. Деревня насчитывала домов 500, пять правильных прямых улиц, двухэтажная средняя школа, детский сад, магазины. Это был большой богатый колхоз, который занимался всем, что приносило прибыль. Посев зерновых, молочные фермы, птичник, мельница и многое другое.

Собираясь в город после отпуска, дедушка и бабушка позволили Косте задержаться в деревне еще до двадцатых чисел августа, после разрешения мамы, посчитав, что десяти дней на сборы в школу достаточно. Медицинскую комиссию Костя прошёл, и документы в первый класс они уже сдали. Даша оставалась в городской квартире и работала, оставляя отпуск на сентябрь, чтобы первое время водить Костю в первый класс. Родители вернулись в конце июля, привезя дары природы и продукты своего хозяйства, и уже через неделю приступили к работе. За Костей решили ехать в деревню 21 августа, в субботу рано утром, а вернуться ближе к вечеру. Машина марки «Москвич», купленная с рук лет пять назад, служила им верой и правдой, дорога была знакома и по времени занимала не больше часа. Даша, дежурившая в ночь с пятницы на субботу, вынуждена была оставаться дома.

– До нашего приезда успеешь выспаться, – пошутил отец, позвонив ей с утра в госпиталь, зная, что та не спит. – Я сумку с вещами для девчонок забрал, не забыл. Пока.

Вернувшись с работы, даже не раздеваясь, она прилегла и тут же уснула, ночь была трудной. Ее разбудил звонок домашнего телефона.

– Да! – сонно ответила Даша.

– Даша, это дядя Вася, нам надо поговорить, я сейчас приеду.

Дядя Вася был старшим братом мамы, жил в городе с семьёй и служил во внутренних войсках. Даша привела себя в порядок, ожидая дядю, успев выпить кофе, чтобы окончательно проснуться. В дверь позвонили минут через двадцать. Открыв входную дверь, Даша увидела двух людей в штатском и участкового милиционера.

– Барышева Дарья Андреевна? – спросил один из них.

– Да, а что случилось?

– Простите, у нас для вас плохие новости. Машина «Москвич»...

– Что с ними? – спросила Даша, перебив говорившего мужчину и чувствуя сильную тревогу. – Они живы?

– Мне очень жаль, но Ваши родители попали в аварию в пяти километрах от въезда в деревню Сосновка.

Даша потеряла сознание, даже не увидав, что дядя и тетя, приехали и находятся уже в квартире. Приведя Дашу в сознание, дядя уехал на опознание, а тетя осталась с Дашей.

– Что с Костей? – был её первый вопрос.

– Костя в деревне. Андрей и Маша не доехали, грузовик перевернул машину. Костю привезут скоро, Вася отправил машину, но пока наказывал ничего не говорить ему.

Даша сняла трубку телефона и набрала знакомый на память московский номер телефона.

– Это Даша. Тетя, я не знаю говорить бабушке, что папы с мамой больше нет? Они погибли в аварии.

– Я попробую сказать ей сама, а ты, Дашенька, держись, – ответила тетя Сталина. – Я позже позвоню.

Положив трубку, Даша зарыдала в подушку. Она не знала, сколько времени прошло, как она очутилась в своей комнате в кровати и очнулась от голоса сына: – «Мамочка, родная проснись». Она открыла глаза, обняла Костину голову, прижав к себе, а тот рукой продолжал гладить ее по волосам.

– Мама, тебя все ждут в зале, без тебя не могут решить, – он не договорил и заплакал.

Даша встала с кровати, открыла шкаф, перебрала и достала одежду, соответствующую трауру.

– Не плач, сынок. Ты у меня теперь единственная опора и поддержка. Надень эти вещи, а я переоденусь сама. Нельзя заставлять людей ждать.

Переодевшись, они вышли в зал, где их ждали дядя, тетя и руководство госпиталя. Предстояло обсудить место прощания, похороны и поминки. Организацию похорон взял на себя госпиталь, поминки – родственники.

– Родители должны проститься с домом, а мы с ними. Это возможно? – спросила Даша.

– Сегодня мы заберём их к себе, а завтра во второй половине дня привезём сюда, похороны послезавтра. Пойдем, посмотрим вещи, – сказал главный врач.

– Это папин парадный мундир, здесь белье, обувь. Мамино новое платье, и белье с обувью. Что еще полагается, вы говорите, я соображаю.

– Даша, ты держись. Три дня тебе положены по закону, ты же в отпуск собиралась в сентябре. На счёт денег не переживай, всё организуем, а памятники поставим через год. Сына береги. На девять дней собери только родственников, мы организуем всё у себя, так будет правильно. Будь сильной, девочка, ты сыну нужна и отец не одобрил бы твоей слабости.

Дядя и тетя остались ночевать. Даша ходила как тень. Она не до конца осознавала того, что ей говорили, но знала в дом пришла беда, ничего нельзя не изменить, не исправить, хотелось кричать, но слез не было, не было даже слов, и она лишь кивала в ответ на вопросы. Следующие сутки она провела рядом с погибшими родителями. Бабушка прилетела из Москвы утром, в день похорон. Ее сопровождала сестра отца.

– Я останусь на 3-4 дня, ты не возражаешь? – спросила она.

– Оставайтесь сколько хотите, – ответила тихо Даша и заплакала.

Бабушка утешала её, но сама не проронила, ни слезинки над гробом сына.

– Прости меня Андрей, что не стала тебе матерью, а Даше бабушкой. Отпусти мне этот грех.

Они с тётей привезли траурную одежду и для себя и для Даши, понимая, что в данной ситуации девочке не до этого. Тётя Сталина занялась Костей, она его уговорами понемногу кормила и поила, ложилась с ним в кровать и за беседами убаюкивала на пару часов, давая мальчику немного отдохнуть. Даша смутно помнила и сами похороны, и поминки, и людей, которые к ней подходили. Только чувствовала рядом сына, всё время державшего её за руку.

Дядя, возивший их на кладбище на следующий день после похорон сам начал разговор.

– Расходы на похороны не твоя головная боль. Все устроили, провели и рассчитались. Народу было много, но мы справились. Девять дней отметим дома, своей семьёй, да соседями, деревенские может, придут. Жена и Вера Васильевна помогут. Пока сама справишься?

– Бабушка и тётя, ещё на два дня, останутся здесь, а там посмотрим. За меня не волнуйтесь, я справлюсь, а они мне помогут.

Бабушка рассказала Даше короткую историю её отца:

– Иван Андреевич привез Андрея с войны, ему было лет 13. Это был немецкий мальчик, хотя он и выдавал его за сына своего брата. Ты не можешь себе представить, чем он рисковал, откройся вся, правда. Андрей понимал русскую речь, но говорил по-русски очень плохо, ему понадобился целый год, чтобы он смог пойти в школу. Он нам был совсем чужим, а Иван относился к нему, как к родному сыну. Это моя вина, что я не поддержала мужа, не приняла мальчика. Он был хорошим, внимательным пареньком, а я не от страха, а от своего эгоизма, отталкивала его. Теперь нет ни Ивана, ни Андрея, – говорила Дарья Васильевна, утирая слёзы.

То, что рассказала бабушка, Даше многое объяснило. Вот откуда эта «нелюбовь» и к ней, и к её отцу.

– Даша, Андрей в своё время вёл дневник. Тоненькая тетрадка, скорее всего, содержала важные для него даты, события для памяти, и писал он текст на немецком языке. Я случайно об этом узнала, он уже академию закончил. Может среди его бумаг, что и найдёшь. Отец запрещал говорить на эту тему ни с кем и никогда.

Даша проводила бабушку и тетю 25 августа. «Надо жить дальше, Даша. И дедушка, и папа, и мама всегда считали тебя сильной. Соберись. У тебя столько не решённых проблем. Кто их будет решать кроме тебя?» – думала она, возвращаясь из аэропорта домой.

– Давай Костя, сегодня наведём порядок в квартире, а завтра с утра поедem на школьный базар. Обедай и беги во двор к ребятам, со мной будет всё в порядке, а я займусь уборкой, – провожая сына на улицу, говорила Даша.

«В первую очередь, соберу Костю в школу, а все остальные дела потом», – подумала она, просматривая документы. В папке с надписью «Квартира», лежали документы на квартиру, погашать долг за которую, нужно было еще 4 года. Здесь же она нашла два страховых свидетельства на случай смерти на имя мамы и отца, страховку на машину и три сберегательных книжки на имя мамы, отца и её, Дашино. Она положила деньги на счёт, оставленные для неё дедушкой чуть больше года назад. Утром, позавтракав с сыном, Даша взяла свою сберегательную книжку, паспорт, решив зайти в сберкасса, а потом на школьный базар. Они собрались выходить из квартиры, когда раздался звонок домашнего телефона.

– Даша, мы долетели хорошо, извини, что не позвонили сразу. Мама передает тебе привет. Ты была в комнате родителей, там, на полке под бельем мы оставили тебе деньги. Это тебе поможет первое время. Держись девочка, – сказала тётя.

– Я заходила в комнату родителей, но шкаф не открывала. Подождите, я посмотрю. Да, конверт нашла, в нём письмо от бабушки и 500 рублей. Спасибо Вам большое, берегите бабушку.

– Это тебе поможет первое время. Держись девочка, – сказала тётя.

Следующие два дня Даша занималась покупкой продуктов и готовкой обеда на девять дней. На помощь приехала тетя и пришла Вера Васильевна. В воскресенье приехали родственники из деревни, пришли соседи, которые знали их семью, а с некоторыми дружили. Поминки не свадьба, тихо посидели, быстро разошлись. Даша, с утра ездившая с дядей и Костей на кладбище, за день очень устала, но проводив всех, перемыла посуду, сняла со всех зеркал простыни, определив их в стирку, навела порядок на кухне и только после этого пошла спать. В эту ночь она спала крепко и без кошмаров.

Утром, за завтраком она поговорила с Костей.

– Сынок, я поеду в госпиталь, напишу заявление на отпуск и какое-то время буду дома. Смогу отводить тебя в школу, а потом ждать твоего прихода. Мне тяжело пока выходить на работу, а пройдет время, и ты привыкнешь, и мне станет легче, тогда мы с тобой и решим – будешь ходить на продленку или нет.

Ей хватило двух часов, чтобы оформить очередной отпуск до 24 сентября и получить отпускные и зарплату за август. Не поднимаясь к себе в квартиру, Даша зашла сразу к председателю кооператива, которая вместе с бухгалтером занимала квартиру на первом этаже. Ей ничего не пришлось объяснять, обе женщины поняли цель визита.

– Бланки квитанций я выдаю вам на двоих с сентября, август оплатите по старым квитанциям до пятого числа. Вот список, куда и за что платите сами. За кооператив Вам платить еще три года и пять месяцев по 25 рублей в месяц итого 1025. Будет возможность, можете погашать частично или полностью, как удобно.

– Скажите, у Вас нет знакомого плотника. Сыну в школу, а стол собрать не кому.

– Я попробую поговорить с жильцом из 7 квартиры, но ему нужно будет заплатить за работу.

– Поговорите, мы дома, я заплачу. Спасибо Вам, – сказала Даша.

Даша выходила из кооператива, когда её окликнули.

– Как дела сиротинка? Не знаешь с чего начать? – спросил мужской голос.

Даша подняла глаза и увидела соседа со второго этажа. Они здоровались давно, но никогда не были знакомы.

– Нет ни каких дел, и с чего начать, тоже не знаю. Стол письменный сыну и тот собрать не могу, что уж говорить об остальном, – ответила Даша отрешённо.

– Эка невидаль! Стол новый? Поднимайся, дверь не закрывай я за инструментом и следом, – сказал новый знакомый.

– Костя, у нас в гостях добрый волшебник, – крикнула сыну Даша.

– Давайте знакомиться – ты Костя, мама твоя Даша, а я Лев Борисович, бывший инженер, ныне пенсионер, вдовец, детей вижу редко, внуков ещё реже. Думаю, сбегутся только по случаю кончины. Пенсию экономлю, за всякий ремонт беру магарыч, но делаю с гарантией. Где у нас объект левого заработка?

– Стол на балконе в упаковке. Её лучше разобрать, легче будет.

– Так и сделаем, упаковку разберём, детали и заготовки разложим и начнем по схеме собирать. Помощник готов?

– Готов! Командуйте, – весело ответил Костя.

Даша прошла в их с Костей комнату, где предстояло сделать перестановку. «Слева диван и шкаф, справа у окна стол, рядом книжная полка, середина для игры. Сниму ковёр у родителей со стены и постелю его на пол, – думала она, снимая с кровати постель и матрас. – А кровать разберём и по частям в кладовую».

Сборка стола заняла часа два, потом разобрали кровать и поставили новый стол на её место, при этом между делом подкрутили дверцы в книжном и плательном шкафу. Даша оставила нового знакомого на обед, и он согласился. Лет ему было 65 и жил он в квартире номер 7. Даша помимо обеда поставила на стол бутылку водки и рюмку, но Лев Борисович пить не стал, и денег за работу с Дашей не взял.

– Тебе на ушко обо мне нашептали, а ты и поверила? – обратился он к Даше. – Не пью я! Могу пропустить перед обедом или ужином рюмку, но не так часто. У меня этих бутылок с десятков, а не брать нельзя. У нас ведь как, хороший мастер всегда за работу берет. Будь ты электрик, сантехник, плотник, тебе за работу полагается магарыч. Слух пошёл, все и верят, а уж я и не развеиваю его. Я отца твоего редко видел, а вот к Марии Ивановне на приёмы бегал. Она одними словами, да вниманием своим могла вылечить. Дружбу свою не навязываю, но забегайте, если что понадобится. Чай у меня, правда, без варенья, но сахар всегда есть. Запишите мой номер телефона, звоните, заходите. Спасибо за обед, – говорил Лев Борисович, прощаясь с Дашей и Костей.

Даша сняла ковер со стены в комнате родителей, включила пылесос и пропылесосила его. Вымыв в комнате пол и постелив ковер уже на пол, она предоставила сыну полную свободу действий в его новой комнате, а сама занялась брюками от школьного костюма. Всего одна примерка понадобилась для того, чтобы сын остался доволен. Отутюжив брюки и курточку с белой рубашкой, она определила их на плечики и повесила в шкаф, не забыв про носовой платок. Майку и носки положила на полку сверху, обувь стояла в прихожей. До вечера она успела еще раз постирать и развесить бельё. Утюжа бельё, она изредка заглядывала в комнату сына, который, то чинил цветные карандаши и теперь рисовал.

Даша помнила о дневнике отца и нашла его в старом деревянном чемоданчике, вместе с конспектами из академии, старыми записями и брошюрами по хирургии. Перебрав все по листочкам, она оставила только дневник и положила к документам отца и матери, которые лежали в маминой сумке на верхней полке шкафа.

Следующее утро Даша начала с Госстраха и сберегательной кассы. Она начала с визита к нотариусу, взяв удостоверенные копии свидетельств о смерти родителей. В Госстрахе у неё приняли заявление, копии свидетельств о смерти и страховые свидетельства родителей и назвали срок, когда она может получить денежные средства. В сберкассе было всё проще, на карточке родители уже написали заявления о наследнице и ей перевели деньги на её счет, закрыв счета родителей. «Подожду неделю, а потом соображу, сколько могу погасить долг кооперативу», – думала, возвращаясь, домой, собираясь еще купить продукты в магазине и цветы первокласснику. Пообедав, Костя вышел во двор к ребятам, а Даша продолжила домашние дела. Со слезами на глазах, она перебирала вещи родителей, их оказалось не так и много. Оставив лишь папин спортивный костюм, новые футболки и кофты, не дождавшись своего часа, остальное сложила в сумку для Льва Борисовича, вместе с обувью. Папину летнюю меховую и кожаную куртку одела в чехлы и повесила в шкаф. Мамины вещи и обувь она разложила на кровати родителей и хотела предложить их Вере Васильевне, они с мамой были одной комплекции. Оставила себе на память только теплый кардиган и две блузки, из которых мама «выросла».

Утром 1 сентября нарядный Костя с букетом белых хризантем и мамой отправился в первый класс в ту же школу, которую заканчивала Даша. После торжественной линейки им выдали учебники, познакомились с учителем и классом, где теперь будут проходить его уроки и где они провели не более двух часов, направились домой.

– Дедушка обещал, что первого сентября после школы, мы пойдем в кафе, – сказал Костя и заплакал.

– Ну что ты, родной! – Даша присела перед сыном, обняла. – Раз дедушка обещал, надо идти, – она вытерла сыну слёзы. – Вы в какое кафе собирались?

– В то, что за перекрестком, где светофор, – шмыгая носом, ответил сын.

– Тогда успокойся и идём. Давай портфель и руку.

Они просидели в кафе больше часа. Сначала ели пирожные с колдой, потом мороженое из красивых вазочек.

– Мама, а можно взять немного пирожных к чаю на ужин? – спросил Костя.

Даша попросила пирожное на вынос. Их принесли в коробке под торт, которую перевязали прозрачной лентой. По пути они зашли в продуктовый магазин, где купили продукты на ужин и завтрашний день. Поднимаясь в квартиру, на площадке они встретили свою соседку Веру Васильевну, мать Светланы.

– Как же ты Даша будешь управляться и с работой, и с учеником? – спросила она участливо.

– До 24 сентября я пошла в очередной отпуск, а дальше не знаю. Мне на работу к восьми, добираться минут сорок, школа до 12, а я до 16, опять же дорога. Как не крути, даже продлёнка не спасает. Парень он у меня самостоятельный, сможет и погулять, и уроки сделать, а вот обед разогреть доверять боюсь. А ночные дежурства? Как его одного оставлять на ночь, кто отправит в школу?

– Ты особо голову не забивай. Светлана у нас в декретный отпуск собирается, мы решили Алексея устроить в нашу школу, будем с ним жить и учиться здесь. Будешь заводить по утрам к нам. Обедом накормлю или разогрею, как захочет. Подружатся – будут и гулять вместе, и уроки делать. После работы, будешь забирать сына домой. Согласна?

– Вера Васильевна, я даже мечтать не могла об этом. Вы нас так выручите, – со слезами на глазах сказала Даша.

– Не плач! Все наладится, – успокаивала она Дашу. – Ну а ты герой, согласен на нашу дружбу и помощь? – обратилась она к Косте.

– А куда мне деваться. Выбора у меня пока нет, – сказал Костя серьёзно.

– Да, парень совсем взрослый, он и сам справится, я только немного первое время помогу, – сказала Вера Васильевна, чтобы поддержать парня.

– Вера Васильевна, зайдите к нам, мне нужно что-то решать с вещами мамы. Может, посмотрите? – попросила Даша.

Вера Васильевна забрала все вещи, лежавшие на кровати родителей, вместе с обувью.

– Я посмотрю дома, что подойдет – возьму, не подойдет и не продается, отдадим даром. Шубу и пальто можно в комиссионку, продадут хотя бы за полцены.

– Вера Васильевна, а кто такой Лев Борисович? Что он за человек? – спросила Даша. Он помог собрать нам письменный стол для Кости.

– Лев Борисович у нас засекреченная и интеллектуальная личность, а как все умные люди непредсказуемая и странная. Он очень хороший человек, а то, что снаружи – это маска. Ничего, ни кому объяснять не надо – тихий любитель выпить, брошенный детьми. Может, этот образ ему навязали, может, это его легенда. Он не говорит всей правды, а я и не спрашиваю. Ходим в гости друг к другу по-соседски.

– Вера Васильевна, а кто из Ваших знакомых читает по-немецки? – спросила с надеждой Даша. – Мне очень надо перевести один текст.

– Кажется, Лев Борисович говорит на немецком языке, а вот читает или нет, не знаю, но книги, первоисточники, я у него видела. Давай я унесу все это добро к себе, заберу Лешку с улицы к вам и позвоню Лева, всё и узнаем.

Вера Васильевна вместе с Лёшей вернулась минут через десять, почти сразу раздался звонок в дверь, пришёл сосед. Ребята ушли в комнату Кости, а гости Даши прошли на кухню.

– Что случилось у Даши на этот раз? Инструменты я не захватил, – пытался шутить Лев Борисович.

Даша протянула ему тетрадку.

– Попробуйте прочесть, а мы пока чай заварим свежий. Я перевела со словарем, кое-что поняла, но мне надо быть уверенной в правильности.

Лев Борисович открыл тетрадку и начал медленно, без звука шевелить губами. Прошли не менее пятнадцати минут, и он прочёл текст повторно. Даша отнесла мальчишкам чай и пирожные, сахар и салфетки. Друзья занимались делом.

– Ну, что я могу сказать дамы, всё очень серьезно, можно сказать даже трагично. Первые страницы дневника обычные конспекты, а вот с четвертой идёт сам дневник. Читать?

«1945 год. Меня зовут Андрес Штоль. Я уроженец Дрездена и родился в 1931 году. Моя мать, Анна Винер родом из России. В 1910 году вместе с родителями выехала в Германию, где вышла замуж за Отто Штоль. Я старший ребёнок в семье и имел брата Генриха, рожденного 5 сентября 1935 года, и сестру Эльзу 3 марта 1938 года. Мой отец, врач по профессии был призван в армию в 1941 году и погиб в 43. После гибели отца нас выселили из квартиры и города на хутор к дальним родственникам отца. Это было не лучшее время в нашей жизни. Выполняя работу батраков, мы чаще всего оставались голодными и тогда, я начал воровать. Вор, конечно, из меня вышел плохой, и крал я лишь продукты, но брат и сестра не голодали, а меня, ни разу не поймали за руку. День 5 марта 1945 года стал самым страшным днём в моей жизни. Город и окрестности бомбили не переставая, укрыться было негде. Мы бежали, падали и опять бежали, а вокруг много тел и среди них мама, Генрих и Эльза. Казалось, мама хотела закрыть их собой. Я кричал, плакал, пока не потерял сознание. Не знаю, сколько прошло времени, но я увидел лица, которые сказали: – «Этот еще живой». Очнулся я в русском госпитале. Постепенно приходя в себя, я понял, что лучше всего молчать и может, тогда меня не тронут. Планируя побег, я не знал, что моя сломанная нога не позволит мне этого сделать. Ночью я спал с куском одеяла во рту, чтобы не закричать по-немецки во сне. Русский доктор перевёл меня к себе за ширму через три дня. Он ни о чём меня не спрашивал, только сказал: – « Не

разговаривай ни с кем и больше ешь, тебе нужны силы». Вот, где пригодились мамины уроки. Я стал вспоминать то, чему она нас учила и уже через день, как мог, рассказал доктору всё. Он спросил, поеду – ли я с ним в Москву и хочу ли стать его сыном. Я не думал долго, я не знал, жив ли дядя Пауль, брат отца, у которого было четверо детей, но я знал, что моей семьи больше нет, и я согласился. Я не знаю, как ему это удалось, но сразу я стал его племянником, сыном его брата, а потом уже в Москве сыном – Барышевым Андреем Ивановичем. Семья его приняла меня по-разному, дочь Сталина с интересом, а жена равнодушно, даже враждебно. Самое трудное было выучить правильный русский язык, правописание. Сталина, так звали мою названую сестру, учила меня по букварю. Так я выучил буквы, научился складывать их в слова и писать. Свою новую биографию я выучил наизусть, а в школу пошёл только через год. Мне не пришлось оправдываться, когда я путал слова или усиленно вспоминал правильность их правописания или произношения, но и немецкий мне приходилось «забывать». У меня в деле лежала справка о ранении и контузии, которая давала право на эти «ошибки».

1949 год. Я окончил школу, и стал слушателем военно-медицинской академии. Теперь мы видимся с отцом только на каникулах. Я очень скучаю за ним. Он стал другом, наставником, он любит и заботится обо мне, как заботятся о своих детях. Дарья Васильевна относится ко мне уже не враждебно, но сдержано, мы стали реже видеться. Я ни разу не видел на ней мамин «ландыш», который я подарил ей от чистого сердца. Отец предлагал свою помощь, но я отказался. Я прожил в Советском Союзе восемь лет и понимал, чем может обернуться даже малейшее сомнение в родстве. Решил, чем дальше я окажусь от Москвы, тем будет лучше. Лучше, прежде всего, для отца.

1953 год. Я уезжаю в далекую Сибирь, не на Север, а именно в Западную Сибирь. Чисто географически – это сразу за Уралом, разделяющим Европу и Азию. Буду служить в госпитале. Я стал, как отец хирургом.

1954 год. Я влюбился! Влюбился в простую деревенскую девушку из семьи советских немцев. Видимо, это судьба, не забывать свои корни. Таких семей как Машина, очень много. Они живут целыми посёлками и деревнями, говорят на своем языке, обучаясь в школе на русском. Мне казалось, что я попал в свою среду, к своим землякам, но отец был дороже и ближе. Теперь я уже муж.

1955 год. У меня родилась дочь! Я очень рад и горд этому событию в моей жизни. Отец приехал к нам в гости. Прошло десять лет и я ни разу не пожалел о том, что стал Барышевым Андреем Ивановичем. Мы даже внешне с ним стали похожи. У нас общее дело, общая профессия, одна семья, нас связывают какие-то невидимые нити и одна тайна. Одно гнетёт меня, что не смогу положить цветы на могилу мамы, Генриха и Эльзы и сказать, что я их помню. Писать заканчиваю. Жизнь продолжается. Я благодарен судьбе за то, что в моей жизни есть отец и моя семья.

– Бедный папа. Сколько ему пришлось пережить? А дедушка? Так рисковать. Теперь и бабушку можно понять. Если, когда-нибудь я окажусь в Германии, я положу цветы за папу, обещаю.

– Что скажешь Лева? – спросила Вера Васильевна, когда чтение было окончено.

– Скажу, что как и прежде нужно хранить тайну, дневник убрать до лучших времен, – ответил он, протянув Даше тетрадь. – Чай отменяется?

– Для чая у нас повод вполне легальный – мой сын первоклассник. Будет и чай, и варенье, и пирожные.

Будучи в отпуске, Даша не только навела порядок в квартире, перестирала, перешила и переутюжила все и вся, но дождавшись получения денег, она полностью рассчиталась с кооперативом и получила документ о праве собственности на квартиру. Она постепенно научилась вести домашнее хозяйство и теперь знала, сколько нужно денег от зарплаты до зарплаты на продукты, оплату услуг и непредвиденные расходы. У неё остались деньги на вкладе. Зарплату

она хранила дома. На сорок дней поехав на кладбище, она рассказала о своих делах родителям, а приехав домой, перебралась в их комнату, сделав небольшую перестановку. Выходя на работу после отпуска, она была спокойна за сына, он был в её отсутствие под присмотром Веры Васильевны.

Мальчишки подружились. Костя обедал у Веры Васильевны, а ужинали все вместе у Даши. Два раза в месяц Костя ночевал у соседки, когда у Даши были дежурства. По негласному договору, Даша оплачивала такие ночевки. Так прошел год, и Леша перешел в другую школу. Косте исполнилось 8 лет, и теперь уже он приглашал Веру Васильевну на обеды. Он взял шефство над Львом Борисовичем, приносил ему продукты, помогал в уборке и часто бывал в гостях по поводу и без повода, ему было интересно со стариком. Единственное, что не менялось – это совместные ночевки с Верой Васильевной в ночные или суточные дежурства Даши. Все свое свободное время Даша проводила с сыном – это были два друга, которые поддерживали, помогали и понимали без слов друг друга.

Капитан медицинской службы, хирург Барышева Дарья Андреевна уже два года работала в отделении отца при новом заведующем. Он пришёл года на два раньше неё и одно время они даже дружили. Прошло время, Серов женился по расчёту, стал заведующим и теперь не давал ей проходу. Сначала это забавляло, потом раздражало, а в настоящее время обижало. Дошло до того, что самые сложные операции делала она, в планах операций её фамилия повторялась чаще других, а дежурства у неё были исключительно суточные в выходные и праздничные дни. Терпение её лопнуло, когда он пришёл в выходной с проверкой навеселе, нёс какой-то бред, и, получив пощечину, стал грозить увольнением. На следующий день, после сдачи дежурства и обхода, Дарья взяла графики, план операций и пошла к главному врачу.

– Владимир Степанович, взгляните на это, – она протянула ему бумаги. – Это длится уже второй месяц.

– У вас в отделении три хирурга и два интерна. Чем заняты они?

– Ребята молодые, пригрозил увольнением, вот и молчат. Вчера и меня грозились уволить. Мне писать рапорт, он же у нас неприкасаемый?

– Ты мне скажи – он хороший хирург?

– Хирург он, на мой взгляд, так себе, а ассистент не плохой. Дела обстоят еще хуже. Он уже месяц не был в операционной. Из троих оперирующих Столяров и я, остальных учить надо. Зав. отделением есть, а хирурга нет. Я в прошлом месяце получила зарплату за двоих, а она мне с такой нагрузкой скоро и одна не будет нужна.

– Работай Даша, а я с этим разберусь, – сказал Владимир Степанович, возвращая ей графики.

Серова Дарья Андреевна встретила, возвращаясь в отделение.

– Скажите, доктор Серов, Вы знакомы с Трудовым кодексом?

– А что случилось?

– Так какого же чёрта Вы составляете графики и планы с нарушениями? Потрудитесь объяснить Ваши решения. Что Вы имеете против Барышевой, конкретно, аргументировано? Я слушаю.

– Она же одна, дал возможность заработать, – оправдывался Серов.

– Да Вы батенька еще и лжец. Добродетель, блин, нашёлся. Осчастливить решил коллегу и спихнул ей все свои операции. Ты кто есть? Профессор? Ты её место занимаешь, это она отказалась от должности, её дело практика. А ты думал, что самый достойный? Идиот! Власть почувствовал? Выговор тебе обеспечен, а если захочешь уволиться – пиши рапорт, подпишу с превеликим удовольствием.

Накануне 1985 года на специализацию в госпиталь приехал молодой лейтенант из лёгкого полка, закончивший академию, где учился отец Дарьи Андреевны, и отслуживший уже больше года. Все молоденькие медсёстры только и говорили о нём. Даша видела его в столо-

вой, но знакома с ним не была. Они познакомились при странных обстоятельствах на Новогоднем фуршете, устроенном между обедом и ужином в столовой. По графику, Новогоднюю ночь она проведёт дома с сыном. Она уже собиралась домой, когда дежурная сестра из приёмного покоя сообщила о пациенте с ножевым ранением. «Столяров на больничном листе, Серов уже набрался, остаются два «дарования» и я, – думала она, принимая решение.

– Дежурный на месте, второй за мной, будем работать. Анестезиолога в операционную, – говорила Дарья Андреевна, накручивая диск телефона.

– Ну вот, парень опять один, да еще в Новый год, – говорила она вслух.

– Вы о ком? – спросил незнакомец.

– О сыне. Ему всего девять и он ждёт меня. Я обещала ему городскую елку, каток. Как объяснить, почему мама не выполняет своих обещаний?

– Дарья Андреевна, давайте адрес и позвоните сыну, скажите, что придёт Андрей. У Вас все равно нет выбора.

– Костя, я задерживаюсь, но посылаю тебе Деда Мороза. Сходите вместе с ним на каток, потом на ёлку. Теплее одевайся и дай ему дедушкины коньки. – Спасибо Вам. Еда в холодильнике, сын знает, – говорила она незнакомцу. – Я приеду сразу, как освобожусь. – Завьялов, ты ещё здесь? Быстро мыться.

Она заправила косу под халат, надела шапочку. С помощью сестры надела халат, перчатки, маску. 16-50 – наркоз, 17-00 – начали! Операция длилась два часа 30 минут. Завьялов оказался шустрым малым не хуже Серова. Даша делала свою работу и, как будто советовалась с ассистентом. 19-30 – операция закончена.

– Всем спасибо. Как думаешь, что будем назначать доктор Завьялов? – спросила она.

Парень смутился, но быстро сосредоточился и всё сказал правильно.

– Все так и запиши, – она подмигнула доктору. – Когда-то и я так начинала. Передай больного дежурному, если что, пусть подключат реанимацию.

Даша вышла на улицу, часы показывали 20-20, а улица была пустынна, ни одного транспорта. Одно радовало, погода поистине была Новогодней, слегка морозной, безветренной, так что редкие снежинки ровно ложились на землю. «Если идти пешком, к утру буду дома», – подумала она, когда увидела свет от фар машины и подняла руку. Машина остановилась, она открыла переднюю дверцу авто без предисловий, уселась на переднее сидение и назвала адрес.

– Вообще мне не по пути, я еду в другую сторону, – сказал водитель, и Дарья Андреевна узнала голос Завьялова. – Но вас я довезу.

Они доехали минут за тридцать по пустынным улицам города, беседуя на разные темы. Около 21 часа, Дарья Андреевна открыла своим ключом дверь и вошла в прихожую.

– Мама вернулась! – крикнул, Костя, выбегая в прихожую. – Ты успела! А мы с Андреем на катке были и на ёлке, и мясо у нас в духовке почти готово, а еще его зовут как нашего дедушку Андрей Иванович, но он разрешил называть его просто Андрей, – говорил Костя, помогая матери снять шубу, сапоги и подавая тапочки. – Устала? Мой руки, у нас уже и стол накрыт, я ещё ёлку сейчас включу.

Она, слушая сына, вымыла руки и прошла на кухню, где хозяйничал новый знакомый.

– Помощь нужна? – спросила Даша. – Вас действительно зовут Андрей? – Спасибо Вам большое.

– Да, снимите пробу. Мясо готово, картофель тоже, – ответил Андрей. – Как Ваш больной?

Даша попробовало кусочек мяса, и согласно кивнула.

– С больным всё в порядке, а мясо готово.

– Пять минут и к столу, – говорил он, посыпая содержимое противня тертым сыром.

Пока мужчины возились на кухне, она переделась и сменила причёску.

Они сели к столу проводить старый год. Мясо оказалось сочным и вкусным под тонкой корочкой сыра. Салаты, которые приготовила Даша, пошли в ход. Костя поведал о проведенном вечере, о том, что он заходил поздравить Льва Борисовича с Новым годом, но к нему приехал сын и увёз его на праздник к себе. К бою курантов все были сыты. Загадав желание под звон бокалов с шампанским, и пожелав друг другу в Новом году только хорошего, они ели только мандарины. Костя уже через час клевал носом, и его уложили спать, прикрыв дверь в детскую. Даша и Андрей проговорили почти до рассвета. Теперь она знала о нём многое. Туманов, окончил академию, где учился отец, попал в летный полк по распределению, ему 27 лет исполнится в марте. Прослужил больше года, холост, есть родители, которые живут в Ростовской области и младшая сестра. Они осилили бутылку шампанского, помыв и убрав посуду. Даша постелила Андрею постель на диване, а сама отправилась к себе, пожелав спокойной ночи новому знакомому.

Проснулись все поздно, часы показывали 10:30, когда Костя, заглянув в комнату к матери, нырнув под одеяло, спросил:

– Мам, а где Андрей? Постель на диване собрана.

– Не знаю сынок. Может в ванне, может, ушёл по-английски – это же твой друг, иди – посмотри.

Андрей нашёлся на кухне, за приготовлением завтрака. Убрав постели и приведя себя в порядок, мать и сын уже готовы были присоединиться к нему, когда в прихожей раздался звонок. Пришла Вера Васильевна поздравить соседей с праздником. Она не рассчитывала увидеть постороннего в квартире и чуть опешила, но любопытство взяло верх, и она осталась.

– Я только от Светланы, там отмечали Новый год. Вот Костя, принимай подарок от Деда Мороза, – она протянула ему кулёк конфет.

– Вера Васильевна, садитесь с нами завтракать, – пригласил её Костя, высыпая конфеты в вазу. – Знакомьтесь – это мой друг Андрей. Мы вчера так классно провели с ним время. – Андрей, ты не торопишься? Может, на каток сходим, как вчера?

– До третьего числа я абсолютно свободен, а вот третьего дежурю вместе с твоей мамой. Если мама не возражает против катка, завтракаем и на лёд. Про торт не забудь, пропадёт.

После их ухода, Вера Васильевна, хитро поглядывая на Дашу, сказала:

– А парень – то хорош. Костя сразу это почувствовал, друга в нём нашел. Вот за кого надо замуж выходить.

– Вера Васильевна, мы знакомы с ним всего сутки.

Даша рассказала историю знакомства.

– Для того чтобы влюбиться минуты хватает, а тут целые сутки. Да не смущайся ты так, шучу я, но парень действительно хорош. Алексей на каникулах у меня будет, пусть Костя ночует у нас, как пойдёшь дежурить, всё не так скучно будет. Парень он у тебя совсем взрослый и днём справляется, и ночью уже один остаётся, – сказала она и засобиравшись домой.

Даша взялась за обед. Она сварила борщ и нажарила котлет. Прошли не меньше трёх часов, прежде чем друзья явились домой, мокрые от налипшего снега, румяные, довольные и голодные. Даша насильно заставила Андрея переодеться в вещи отца, а его одежду вместе с Костиной повесила сохнуть в прихожей. После обеда, лежа на диване, оба добра молодца уснули под звук телевизора. Прикрыв их пледом, Даша пошла к себе. «Плохо в этой дружбе только одно – Андрей уедет, и Костя будет очень скучать», – подумала она засыпая.

Прошел январь, февраль, и Андрей приходил не только в выходной, но и по вечерам. Они с Костей ходили в кино, на каток. Когда погода была плохая, играли в настольный хоккей дома.

– Мне очень хочется ходить на самбо и хоккей. Но на самбо далеко ездить, а хоккей только с десяти лет, – признался Костя Андрею. – Скажи, а тебе моя мама совсем не нравится?

– Твоя мама мне очень нравится, правда я её немного побаиваюсь, особенно на работе, она такая строгая.

– Если нравится – женись на ней. Она хорошая и совсем не строгая, уж я-то знаю. Будет у нас семья.

– Видишь Костя, в чём дело, я служу в маленьком городке. Вряд ли мама захочет из большого города уехать в деревню. И потом, я военный, могут перебросить в другое место и ни один раз. Не каждая женщина захочет менять устроенный быт на частые переезды, жить на чемоданах, – пытался объяснить Косте Андрей.

– А ты попробуй. Мне не хочется с тобой расставаться.

Даша слышала весь разговор. «Что мне делать?» – думала она, стоя у окна. С каждым днем Андрей нравился ей все больше. Их отношения были дружеские, и он даже намёков не делал на большее. Андрей сделал ей предложение 8 марта, и она его приняла. До его отъезда в часть, они уже жили семьёй, а 24 апреля, в день ее тридцатилетия, они расписались. Переезд планировали сразу после того, как закончится учебный год у Кости, в это же время Даша уволиться с работы. Квартиру Андрей получил, дело оставалось за переездом. Был только один не решённый вопрос. Что делать с квартирой, где они живут сейчас. Помог кооператив, найдя порядочных квартирантов на длительный срок, Дашу это устраивало. Месяца на сборы ей хватило и в очередной свой приезд, Андрей отправил небольшой контейнер с мебелью и вещами к новому месту жительства. Еще через две недели, уволившись из госпиталя и получив расчёт, Дарья Андреевна забрала документы Кости из школы и с тремя дорожными сумками они стояли на перроне вокзала в ожидании своего поезда. Даша даже не заметила, как к ней подошла цыганка.

– Далеко собралась, милая? – спросила она Дашу.

– Домой к мужу. Не надо мне гадать. Я не хочу знать ни прошлого, ни будущего, ни что на роду написано.

– Не говори того, чего не знаешь. Замуж вышла недавно, вон, как кольцо блестит. Муж твой, каких поискать, не обижай его ревностью, он этого не заслуживает. Проживёте вместе долго и счастливо, троих детей воспитаєте. Спасёшь многих, когда смерть будет рядом ходить. Испытания все выдержишь ради семьи, семья тебя и спасёт. Трудный путь ты прошла достойно, не сломалась. Теперь в твоей жизни всё будет хорошо. Храни тебя Бог.

Цыганка ушла так же незаметно, как и появилась. Даша знала, что они обладают гипнозом, но кольцо было на пальце, а сумка закрыта на молнию. Костя сидел на том же месте в окружении сумок. «Замуж выйдешь, когда много повидаешь, переживешь и потеряешь», – так сказала цыганка десять лет назад. Дашу пробил холодный пот.

Глава 2

Поезд прибыл на небольшую станцию. Здесь их встречал уже Андрей. Погрузив сумки в машину, Дарья Андреевна и Костя, устроившись на заднем сиденье, во все глаза смотрели в окно автомобиля. Вся поездка длилась минут десять, когда машина остановилась у ворот КПП. В гарнизоне было, не более десяти, пятиэтажных домов, в одном из которых в двухкомнатной квартире на втором этаже им предстояло жить. Андрей получил контейнер, и вещи уже стояли на своих местах. Костя с мамой обошли новую квартиру и остались довольными. В комнате Кости было всё так, как в прежней квартире. Кухня была маленькой, но холодильник, поставленный в прихожей, увеличил кухонное пространство. Вся мебель, из прежней квартиры, легко вписалась в новое жилище, оставалось разобрать вещи и повесить шторы. Закончив с бытом, Даша сходила вместе с Костей в школу и записала его в четвертый класс, а сама устроилась на работу в городскую больницу. Жизнь в военном гарнизоне особенная. Все друг друга знают, если не лично, то заочно. Андрей, иногда, брал Костю на аэродром, парню надо было чем-то заняться в каникулы, он «заболел» самолетами. С тех пор, Костя стал мечтать об учебе в лётном училище. С началом учебного года, сбылась его мечта – он стал посещать секцию самбо, а с началом зимы – хоккейный клуб. Вся неделя у него была расписана тренировками, при этом он хорошо учился и выполнял свои обязанности по дому. Закончив четвертый класс, он впервые поехал в пионерский лагерь, а вернувшись, стал ждать появления брата или сестры. Девочка родилась 15 июля 1986 года, и отец назвал её Дашей. Теперь в доме было две Дарьи Андреевны: старшая – Барышева и младшая Туманова. Старшая Даша через полтора года вышла на работу, определив младшую в ясли.

Маленькой Даше было четыре года, Косте пятнадцать лет, когда Андрей Иванович получил странное письмо из детского дома города Чудово. В нём говорилось, что Павлов Сергей Андреевич, 1984 года рождения, находится в данном учреждении три месяца, после смерти бабушки. В его документах есть отказ матери Павловой Елены Петровны от данного ребёнка, заверенный нотариально в 1986 году, в пользу отца Туманова Андрея Ивановича. «Вам предлагается решить вопрос усыновления или отказа от ребёнка». Адрес, телефон, подпись, дата.

– Я ничего не понимаю, – сказал Андрей Иванович. – Если Елена родила от меня ребёнка, почему молчала? Почему отказалась от него спустя два года и как узнали наш адрес? Что ты думаешь обо всем этом? – обратился он к жене.

– Начнем с адреса, если у неё был адрес матери, могли узнать у неё, набери телефон и поговори. Ехать за мальчиком обязательно нужно, его нельзя оставлять в детском доме, но прежде выясни, что для этого нужно. Дорога не близкая, надо решать бумажные дела здесь. Давай для начала позвоним по телефону указанному в письме. Узнаем всё, а потом будем действовать.

– Ты, так спокойно об этом говоришь, как будто племянника на месяц забираем, а мне от таких новостей не по себе. Я дружил с ней всего полгода, до окончания академии. Девчонка симпатичная, без комплексов, умная, самостоятельная. Я не давал ей никаких обещаний, да и она вроде не строила на меня планов, иначе бы объявилась. Расстались, когда я закончил учебу, и перед службой уехал домой в отпуск. После этого, я её не видел, и звонков от неё не было.

– Я должна была тебе устроить истерику? Я не нахожу для этого причины. У каждого из нас была своя личная жизнь, пока мы не встретились. Это глупо отрицать или осуждать. Ты, принял моего ребенка, я приму твоего. Ничего страшного не произошло. Радуйся – сын нашёлся. Успокойся, завтра же я всё узнаю. Приду с работы, позвоню, а вечером обо всём тебе доложу.

Дарье Андреевне эта новость, мягко говоря, не нравилась, но оставлять ребёнка мужа при живом отце в детском доме было не правильным, они должны жить одной семьёй. После работы

Дарья Андреевна торопилась домой, и хотя разница в часовых поясах позволяла не спешить, ей не терпелось действовать. Она поставила телефонный аппарат на стол, приготовила бумагу, ручку и набрала номер. Поговорив, записала какие справки и документы, привезти с собой и как добраться до места. Вечером, дождавшись мужа со службы, положила перед ним список и схему маршрута, а также уведомила, что завтра она идёт к нотариусу и пишет согласие на усыновление ребёнка.

– Чем быстрее ты это сделаешь, тем скорее уедешь, улетишь, – говорила она. – Самолетом до Москвы, дальше поездом, с вокзала автобусом. Документы оформишь на месте, иначе ты не сможешь его привезти. Деньги возьмишь те, что копили на отпуск. Детям я все объясню сама, Даша не поймёт, а Костя уже взрослый. И самое главное – подай рапорт на квартиру, возьми справку, что ты стоишь на расширение жилой площади. Пусть это будет гарантия, что у нас будет хватать квадратных метров на всех. Действуй, родной! Я после твоего отъезда займусь с Костей устройством места для Серёжки.

– Даша, ты делаешь это добровольно или принудительно? – спросил Андрей Иванович жену, глядя ей прямо в глаза. – Привезу я его не на месяц, мы не знаем какой он, примет ли нас. Ему шесть лет и воспитывать его минимум лет пятнадцать. Хватит ли у нас сил, средств, терпения, не будет ли потом упрёков, разочарований о том, что сделали?

– Не будет, родной. После того, что мы с тобой узнали, мы не сможем о нём не думать. Мальчику будет лучше в семье. Серёжа будет хорошим сыном. А трудности они всегда возможны, но мы справимся, езжай со спокойным сердцем, – ответила Дарья Андреевна, и, обняв мужа, крепко его поцеловала.

Она не стала ждать, когда муж соберёт документы и показала Косте письмо. Тот прочёл его и задал только один вопрос:

– А он нам нужен?

– Ты помнишь, как познакомился с папой? Он принял тебя, полюбил как родного, и ты никогда не говорил мне, что хотел бы другого отца. Этот мальчик не виноват, что стал не нужен маме. А теперь и отец, который не знал о нём, должен от него отказаться? А как ты станешь относиться к отцу, зная, что он отказался от сына? Молчишь? Отказаться ради спокойствия в семье, где никто не хочет ничего менять. Тебе было 9, и у тебя была я, а у мальчика нет никого. Поверь, мне тоже очень страшно не справиться с ролью мамы, но я буду очень стараться, – она обняла сына. – Я только папе не хочу показаться слабой, и вас с Дашей я не стану любить меньше, и всегда буду о вас заботиться.

– Прости мама, я сказал глупость. Узнай папа о нем раньше, может, мы так и жили с тобой вдвоем. Я своего отца не знаю, но у меня есть Андрей и другого мне не надо.

– Ты думаешь, папа тебя разлюбит? Не разлюбит, он тобой очень гордится. Окончишь школу, уедешь в училище, станешь лётчиком, улетишь в Тмутаракань, а у него Серёжа останется, тебе замена, – успокаивала его мать.

– Папа не решил еще, когда за ним поедет? Интересно, какой он.

– Одинокий! Одинокий мальчик, которому всего шесть, и которого уже один раз предали. Без отпуска мы не пропадём, будем ездить на рыбалку, а десять дней пролетят быстро. Мне бы только с детским садом для него определиться, а ты попробуй подготовить Дашу к приезду брата. Фантазёр ты у нас ещё тот, так что, думаю, она тебе поверит. И ещё, сынок, чтобы уже не возвращаться к этому разговору. Он перенёс сильный моральный стресс: смерть бабушки, незнакомые люди и дети в детском доме, может его там обижали, так, что будь с ним добрым, а главное не напоминай о прошлом. Договорились?

Андрей Иванович улетел в Москву 29 июля, а вернулись они с Сергеем 10 августа. В семье появился новый член – Туманов Сергей Андреевич, а в графе «мать» была вписана Барышева Дарья Андреевна. Первое время ему было трудно привыкнуть ко всем, и он признавал только отца. Мальчик был невысоким и худеньким даже для своего возраста. Темноволосый

и кареглазый он внешне был похож, скорее, на Костю, чем на отца. Он больше молчал, но на вопросы отвечал подробно. Дарья Андреевна поселила его в одной комнате с Костей и надеялась на их дружбу. Разница в 9 лет, была только на руку. У Сергея был наглядный пример. Зная характер и терпение старшего сына, мать не торопила события. Только Даша в свои четыре года не могла понять, почему их мама для Серёжи тетя, и всё время поправляла его. Настойчивость ли сестры или его собственное желание, но уже через два месяца, в детском саду на прогулке он кричал Даше:

– Даша, за нами мама пришла, – смутился, взяв ее за руку. – Правда, так лучше? Мама лучше, чем тетя Даша, а ты у нас лучшая, – сказал он ей чуть слышно.

– А я буду тебя звать сынок, так тоже лучше, – прошептала она ему на ухо и крепко обняла, смахивая слезу.

Появление Сергея в семье вызвало в гарнизоне и пересуды, и непонимание, и осуждение, и участие. Соседи, как-то ненавязчиво, передавали ей вещи и обувь, из которых выросли их собственные сыновья для сына. Многие служили до этого за границей и вещи были добротные и не выношенные. Для детского сада она купила все вещи новые, чтобы не было разговоров, ведь дети росли в одном городке. Оформляя Серёжу в сад и собирая документы, Дарья обратила внимание на его дату рождения. Отсчитав назад 9 месяцев, делая это машинально, не думала, к каким выводам это приведёт. «У Андрея в это время заканчивался месячный отпуск, который он проводил у родителей. Как же так? Как сказать об этом Андрею?» – думала она, волнуясь. В таком недоумении её и застал Костя.

– Мам, что случилось? На тебе лица нет, – спросил сын с тревогой.

– Я не знаю, как мне поступить, сынок. Если дата рождения Серёжи верна, то он не сын папы.

– Как не сын? Он сам мне говорил, что у него день рождения как раз перед праздником первого мая, т.е. 30 апреля.

– Если это так, то его мама носила его целых десять месяцев, вместо положенных девяти.

– Давай папе не говорить, пусть он не знает, пожалуйста, мама. Я и то к нему привык, а что будет с папой, узнай он правду. А если он решит от него отказаться? Этого нельзя делать, ему нельзя в детский дом, теперь он мой брат. Сделай так, чтобы он остался, – в глазах его стояли слезы.

– Костя, успокойся. Никто куда его не отправит. Серёжа наш, он им и останется, и документы на это есть – мы одна семья. С папой я поговорю, обещаю, а хочешь, поговорим вместе. Всё, не надо слёз, ты у меня уже взрослый, а мужчины не плачут, – она гладила сына по голове и всё думала об обмане.

Андрей Иванович вернувшись со службы, почувствовал в атмосфере квартиры некую напряженность, а увидав в руках жены свидетельство о рождении Сергея, всё понял.

– Я узнал об этом ещё в поезде, считать тоже умею. Но я не мог вернуть его назад, он так радовался, что я нашёлся, что у него теперь будет свой дом и семья, где есть и другие дети, а признаться вам, что Серёжа нам всем чужой, духу не хватило. Что вы решили?

– Серёжка остаётся в нашей семье, и он никогда не узнает о том, что узнали мы. Я правильно говорю, мама?

– Давайте всё оставим, как есть, и никогда не вспоминать то, что лучше забыть. Это просто недоразумение, ошибка в записи, которую допустили давно, – поставила в разговоре точку Дарья Андреевна.

Уже через пару недель об этом разговоре не вспоминали, а Андрею Ивановичу стало легче, избавившись от груза лжи во спасение. За год Серёжа в подготовительной группе сада научился читать, а зимой, с помощью Кости, освоил коньки. Летом 1991 года Андрей Иванович с Сергеем и Дашей поехали в отпуск на Азовское море к его родителям. Бабушка проявила инициативу и оба внука прошли обряд крещения. Осенью Костя пошёл в десятый класс, а

Серёжа в первый. Чуть раньше по времени, им дали трехкомнатную квартиру взамен прежней. Жизнь налаживалась. На работе Дарья Андреевна была всегда собрана, отношения с коллегами были ровными, к пациентам относилась внимательно и участливо. Она, помня наказы деда, всегда называла прооперированных больных – выздоравливающими. Терпеливо выслушивала каждого и давала рекомендации простым, доступным языком. Рабочие моменты она оставляла за порогом квартиры и становилась любящей и заботливой мамой и женой. Она даже не переодевалась, а лишь мыла руки, садилась на диван и выслушивала их по очереди. Мать никогда не подавляла инициативы детей в любых начинаниях, лишь советовала или показывала, как сделать лучше и проще. Конечно, были и огрехи и промахи, но они исправлялись и уже не повторялись. Именно поэтому, повзрослевшие дети, без проблем справлялись с уборкой, нехитрыми супами и щами.

Приехав в этот степной, но зеленый городок в 1985 году, где жителей было не более 40 тысяч, а частный сектор занимал три четвертых от всей застройки, она быстро адаптировалась к климату и местным нравам. Народ здесь жил простой, работающий на двух заводах и двух перерабатывающих комбинатах мяса и молока. Приватизация за бортом оставила рабочих и сделала их челноками. Теперь они работали на площадках заводов, которые превратились в торговые павильоны.

В 1992 году Костя сдал выпускные экзамены и поступил в высшее военное училище летчиков, а Серёжа закончил первый класс на «отлично».

– Ты, Серёга теперь остаёшься старшим в нашей семье, Дашу не балуй, маме помогай. Папа – командир, его слушай. Самбо не бросай, будешь меня еще тренировать. По возможности буду приезжать, звонить, так что дневник проверять буду, не подводи. Да ты сам всё знаешь, тебе девятый год. – Он пожал брату руку, а потом поднял на руки и крепко прижал к себе.

Теперь он приезжал только на каникулы или на практику. Проблемы в семье, конечно, были, но все они были решаемы. Бабушек или других родственников у них рядом не было, поэтому выкручивались сами. Утром Андрей Иванович отводил Дашу в сад, а Сергея в школу, откуда он возвращался самостоятельно после продлёнки, а Дашу забирала мама. Они заходили в магазин за продуктами и возвращались домой, готовя ужин. Через год Серёжа пошёл уже в третий класс, а Даша в первый, и они уже вместе ходили в школу. Начались проблемы с выплатой зарплаты, ее задерживали. Выручали местные жители, у которых были огороды и дачи, и которые давали Дарье Андреевне овощи в долг, под зарплату. Потом решили, что Андрей Иванович будет получать вместо денежного довольствия продуктовый паёк и это их как-то выручало. Они солили свежемороженую сельдь, варили гречневую кашу или макароны с тушёнкой, делали котлеты из геркулеса с куриным кубиком. У Дарьи Андреевны был принцип – не брать с больных презентов. Благодарные пациенты пошли другим путём. Они оставляли на проходной КПП для неё небольшие свертки и пакеты. Это были десяток яиц и тушка курицы, пакет сухого молока, кусочек масла и бутылка кефира, кусок вырезки или палка колбасы, банка мёда и плитка шоколада или коробка конфет. Всё зависело от благосостояния родственников пациента. Один раз ей привезли почти мешок картофеля и вилок капусты. Получая такие презенты, Дарья Андреевна плакала украдкой от обиды, ведь всё это она могла купить, если бы ей во время платили за работу. Муж утешал её в такие минуты: – «Поверь, Дашенька, так будет не всегда. Потерпи». И она терпела, продолжая изобретать обеды и ужины из того что было.

Конечно, она могла попросить об одолжении бабушку, они изредка переписывались с ней. После смерти родителей, бабушка первая начала звонить ей по телефону, писать письма. Так Дарья Андреевна знала, что бабушка живёт сейчас с отцом Сталины. Но они не были настолько близки, чтобы «поплакаться» и просить у той денег в долг. Жильцы, проживающие в их квартире, тоже не могли платить за аренду квартиры. Она дала согласие на замену деревянных окон на пластиковые в счёт самой арендной платы. Нужно было продержаться, еще полгода. И они продержались, и постепенно все приходило в норму. Дарья Андреевна уже

не так близко к сердцу принимала задержку зарплаты. Умудрялась растягивать то, что было. Дети вырастали из одежды, и покупалось не всегда то, что хотелось, но необходимое всё было. Серёжа ходил в секцию самбо, а Даша, перебрав кучу кружков и секций, остановилась к десяти годам на танцах. Повзрослевшие дети справлялись и с учёбой, и с любимым занятием, не забывая про обязанности по дому. Сергей, только внешне, был похож на Костю, да увлечение у них было одно – самбо. Костя был терпеливым и спокойным, а Сергей непоседлив, любознателен и дотошен. Кроме того, он был чересчур «справедлив», и не важно, где он видел эту несправедливость в школе или во дворе. Он наказывал обидчиков и своих, и чужих кулаками. Не раз к матери приходили жаловаться на разбитые носы. В таких случаях Дарья Андреевна не ругала сына, а побеседовав с ним, выяснив причину такого поступка, просто говорила: – «Ты меня огорчил». Для Сергея эта фраза была хуже пощёчины. Он понимал, что виноват, но по-другому не получалось. Вступал в споры с учителями за незаслуженно заниженные отметки, за слова «бездари и тупицы», но никогда не дерзил. Только хорошая учёба помогала ему избегать конфликтов в школе, где его называли «ходячей энциклопедией». Родители никогда не повышали голос на детей, старались договориться мирно, хотя в отношении с Дашей, это было очень не просто. Её слова «не хочу, не буду, опять я», если не воспринимались окружающими, то дело принимало обратные действия уже через час. Она быстро загоралась идеей, но быстро и охладевала, не доведя дело до конца. Родителей успокаивало одно – учились они хорошо, а поиски правды и метания с возрастом пройдут, главное между собой они жили дружно и первенства не оспаривали, зная кто в семье старший. На всех соревнованиях Сергея, они «болели», если не всей семьей, то её частью. Оба радовались, когда отцу, с барского плеча, «подарили» подержанную шестёрку. С виду – это было авто, а под капотом сплошной металлолом. Три месяца её реанимировали, а летом уже ехали то на рыбалку, то на отдых. С этого времени, любовь к рыбной ловле отсутствовала только у Дарьи Андреевны. Еще большую радость им доставляли приезды Кости. Если это было зимой, они пропадали на городском катке, который нельзя было сравнить с гарнизонным катком. Здесь было много света, играла музыка, и даже продавали горячий чай. Летом они выезжали на озеро, чаще с ночёвкой и возвращались уставшие, но довольные. Костя был их братом, и ему можно было много рассказать, о многом узнать, поделиться, о чём неловко беседовать с родителями. Он научил их всему, что умел сам, и мог видеть свой вклад в воспитание тринадцатилетнего брата и сестры, которой исполнилось одиннадцать лет.

После окончания летнего училища, в 1997 году, домой вернулся лейтенант ВВС Барышев Константин Андреевич, с предписанием на Дальний Восток и месячным отпуском. После небольшого застолья и разговоров, мать почувствовала, что Костя хочет о чём-то сказать, но не решается. Она начала первой.

– Ты сынок не влюбился? Может жениться собрался, да не знаешь с чего начать? – спросила она.

– Нет, мам, тут другое дело. Ты помнишь Саньку Устименко, он заходил к нам? Он загорелся ехать в Москву или Питер, пока в отпуске, ну и меня соблазняет. Можно я съезжу на пару недель с ним? Неделя дорога, неделя там, только я дома смогу побыть тоже всего неделю.

– Тогда эту неделю проводи с ребятами, они тебя так ждали, – сказала мать, а сама подумала: «Вот сын и вырос, свои интересы, свои желания, надо привыкать».

– Так ты не против поездки? – спросил Костя, не веря, что все так легко разрешилось.

– А почему я должна быть против твоего решения? Ты в отпуске, путешествуй пока молодой. Отдых ты заслужил.

– Сашка завтра придет тебя уговаривать. Мы на пару дней поедem на озеро с ребятами, только билеты возьмём.

– Костя, не делай из меня «генерала в юбке». Ты тяжёлую артиллерию в лице Саньки подключил, а вы это не вчера решили. Ведите себя там как господа офицеры, а ни как курсанты и не опаздывайте к месту службы. Сколько нужно денег на поездку?

– Деньги у меня есть. Мне нужна помощь в сборе вещей, не в форме же мне ехать? Поможешь?

– Конечно, помогу. А пока ты будешь путешествовать, я приготовлю тебе форму к отъезду. Что у тебя с обувью?

– Кроссовки почти новые, а еще джинсовая куртка и спортивные брюки, я их не надевал.

– Джинсы примерь и футболки, я купила тебе их к службе, за две недели не сносишь, приедешь – постираем. Можно положить пару рубашек с коротким рукавом, а куртку возьми, по вечерам подойдет и карманов много, пригодятся. Разберу твои вещи, может, еще что придумаю. Носки светлые купить надо.

Пока молодёжь сутки проводила на отдыхе, мать собирала Косте вещи с собой и в дорогу, приготовила «сухой паёк» и думала: «Как быстро летит время. Мы провожали Костю в училище, теперь он с профессией, через месяц станет самостоятельным». Как Костя не упирался, родители уговорили его взять деньги на дорогу. Вместе с Александром отправились на берега Невы. С легкими сумками, они не стали снимать комнаты, предлагаемые на вокзале, решив это сделать в городе, и даже купили газету с объявлениями. За пять часов, найдившись по городу, примкнув незаметно к одной из экскурсий, они присели на скамейку в небольшом сквере. Жуя нехитрые бутерброды, и одновременно читая предложения о сдаче комнат, они спорили, в какую сторону им двигаться дальше.

– Вон девушка идет, сейчас спросим, – решил за двоих Санька.

Девушка подходила ближе, и Костя засмотрелся на неё. Каштановые волосы пружинили с каждым шагом стройных ног в туфлях на каблучке. Стройная фигура и большие зеленые глаза. Она отвечала что-то Александру, а Костя так и оставался в ступоре.

– Костя, очнись, нам дело предлагают, – говорил ему Санька, толкая в плечо.

– Вы действительно военные и всего на неделю? – спросила девушка у него.

– Вот взгляните, – Костя протянул ей предписание к месту службы. – Десять дней мы уже отгуляли, плюс три на дорогу сюда, плюс три дня обратная дорога домой, так что неделя с запасом у нас есть.

– Идёмте, если повезёт, решим ваш квартирный вопрос. Меня Оля зовут, здесь не далеко.

Они прошли минут 5 и оказались у дома старой постройки. Поднявшись на второй этаж, Оля позвонила в дверь. Дверь открыла женщина лет 60-65 и, увидев Олю, заулыбалась.

– Каким ветром к нашим берегам и без звонка? – спросила она.

– Попутным ветром, Анастасия Павловна и ни одна, а с попутчиками. Ты, бабушка, как относишься к господам офицерам? Двум молодым лейтенантам из Сибири, нужна комната на недельку, а через неделю они отправятся на Дальний Восток, – говорила Оля шутя.

– Оленька, таких просьб у тебя ко мне ещё не было. Они настоящие офицеры, ни аферисты?

– Бабуля, так и офицеров у меня знакомых не было. Документы я посмотрела, не волнуйся. – Это моя бабушка – Анастасия Павловна, знакомьтесь, – обратилась она к ребятам.

Им отвели большую комнату, обставленную старинной мебелью, увешанную картинами, с большим кожаным диваном, настоящим паркетом и тяжёлыми шторами на окнах.

– Раскладушку возьмете в кладовой, а постель выдам после чая. Идемте в столовую, а может сразу в душ?

Заметив телефонный аппарат, Костя попросил разрешения позвонить домой, а Санька тем временем, отправился в душ.

– Серёга, привет! Мама далеко? Передай ей, что мы уже в Питере, устроились хорошо, пусть не волнуется. Целуй маму и Дашу. Пока.

Костя прошел в столовую, где готовились к ужину за большим круглым столом.

– Ты бы Оля тоже позвонила родителям, да оставалась у меня, – сказала бабушка. – Что понравилась тебе моя внучка? – спросила Анастасия Павловна Костю в отсутствии Оли.

– Очень! – ответил Костя, доставая из своей сумки скромный паек, оставшийся с дороги от маминых припасов и купленные колбасу и батон уже здесь.

– А почему вы выбрали Питер? – спросила бабушка. – Семья большая?

– У меня здесь отец учился в военно-медицинской академии и дед, потом их распределили в Сибирь. Мама у меня сибирячка, хирург. Жизнь в гарнизоне мне знакома. Отец последний раз здесь был на встрече выпускников в 1993, я уже на первом курсе учился, а поженились они, когда мне 10 было, есть еще брат, ему 13 и сестре 11 лет. Вот посмотрите, это мы в прошлом году во время каникул, – Костя протянул ей фото.

– А ваш друг, он кто? – поинтересовалась Анастасия Павловна.

– Санька? Он вырос в деревне, родители у него сельские труженики, в семье трое детей, но он младший. Он парень хороший. Не прижились уроки этикета, вот он и комплексует.

– Дуй в душ, интеллигент, не чего тебе меня комментировать. Какой родился, такой и пригодился. Не слушайте Вы его, я стесняюсь только у незнакомых людей, а мы с Вами почти друзья. Вот выпьем чаю и скрепим узы дружбы. Я же всю свою жизнь прожил в деревне и не был нигде. Потом училище, а летом опять в деревню, родителям помочь, а вот получил предписание, думаю надо поехать куда-нибудь, а одному страшно в первый раз, вот я Костю и соблазнил. Девушек у нас пока нет, жениться не успели.

Оля вышла в домашнем халатике и с волосами, собранными в хвост, почти сразу из душа вышел Костя, а Анастасия Павловна с Санькой уже почти накрыли на стол. За разговорами и чаем с хозяйкой прошел их первый вечер в Питере. Оля обещала каждое утро заезжать за ребятами и показать всё, о чём знает сама. Днём они гуляли втроём, а вечера Оля проводила с Костей. Потом он провожал её домой и возвращался на постой. За день до отъезда, Оля пригласила Костю в гости, чтобы познакомить с родителями. Это знакомство запомнилось обоим сторонам надолго. После знакомства, Костю пригласили к богато накрытому столу. Начались вопросы о нём, его родителях, об отношениях с Ольгой. Костя ел мало, от спиртного отказался.

– Простите, наверное, это нужно было сказать сразу. Я люблю Вашу дочь и прошу у Вас её руки. Оля хочет окончить институт, я её не тороплю, я подожду, – выпалил Костя.

В комнате наступила тишина, прошло секунд десять, прежде чем отец Ольги заговорил.

– Ты ждёшь, что я позволю увести свою единственную дочь к чёрту на кулички добровольно? Дам согласие и порадуюсь родству с тобой? Кого ты возомнил? Что у тебя есть, чтобы обеспечить мою дочь или ты рассчитываешь на приданое? Откуда ты вообще взялся на нашу голову? Ольге еще год учиться и женихов, не в пример тебе, достойных много. Если любишь, не ломай девочке жизнь, служи там, куда направили, а надумает она ехать, как декабристка – возврата не будет. Будете жить в любви и нищете, вот и посмотрим, насколько хватит этой любви. Запомни дочь – возврата не будет.

– Зря Вы так Евгений Петрович. Сейчас профессия военного с маленькой зарплатой и неустроенным бытом, конечно, не идёт ни в какое сравнение с банкирами, но так будет не всегда, так не должно быть. Какой бы страна не была, ей нужна армия. У меня есть цель, есть профессия, есть семья, которая мне в трудную минуту поможет и поддержит. Олю я не тороплю, у неё свои права, а Вас мне просто жаль. Вы даже не спросили, согласна ли Оля. Может она против моего предложения, а Вы уже рубите все концы. Не о судьбе дочери Вы сейчас думаете, не о её счастье, Вас просто не устраивает мой статус, так сказать я, не выгодная для Вашей дочери партия, – говорил спокойно Костя, хотя внутри все кипело.

– Ты будешь еще мораль мне читать, голодранец. Кому ты нужен, мышь церковная?

– Знаете, это уже слишком даже для меня, невоспитанного и нищего сибиряка. Вы ведёте себя так, как будто я к Вам прямо с помойки на чай напросился, – сказал Костя, вставая из-за стола. – Извините, если испортил Вам аппетит, – и, не прощаясь, вышел.

Оля догнала его в подъезде, просила ехать к бабушке и обещала сама приехать туда через час.

– Скажи, папа, с чего ты так завёлся? Костя прав, ты ведь даже не спросил: согласна ли я? К чему ты затеял этот театр, чтобы в моих глазах унижить его? Ты сам давно разбогател? А позволь спросить: как? Непосильным трудом или умом? А теперь постарайся вспомнить и представить, как тебя, простого инженера, дед принял так же, как ты Костю. Где бы ты сейчас был «богач»? Дедушка был, не в пример тебе, любящим отцом и хорошим дипломатом. Не проще было бы сказать: – «Извини парень, я против ваших отношений»? Я люблю Костю, а ты только что разрушил мою жизнь. Если он не придёт до своего отъезда, я тебе сегодняшний обед не прощу. Поеду к бабушке, когда вернусь, не знаю, – закончила свой монолог Оля.

Анастасия Павловна уже знала от Кости обо всём, что произошло в квартире сына, Оля добавила то, чего не знали они оба.

– Анастасия Павловна, я все понимаю, он отец и хочет видеть дочь счастливой. Только зачем унижать, оскорблять человека, которого ты видишь впервые, о котором ничего не знаешь?

– Костя, ты хорошо воспитан, а у богатых, сейчас, свои причуды. Их оружие – это высокомерие, зависть и злоба, – сказала она и набрала номер телефона сына.

– Евгений, что у вас произошло? Оля пришла вся в слезах, молчит и плачет.

– Замуж твоя Оля собралась за лейтенанта с копеечной зарплатой, – ответил сын.

– А ты решил ни замуж её отдать, а что называется продать, я правильно тебя поняла? Тогда ты сынок прогадал. У матери Кости есть в Москве бабушка с недвижимостью и деньгами, а наследница одна. Как тебе такая новость? И еще, ты не забыл, сколько лет твоей дочери? А сколько было тебе лет, когда ты влюбился? Тебе твои капиталы все хорошие манеры позволили забыть. Учись сын на своих ошибках, а она пусть учится на своих. Пусть поживет у меня, успокоится, а парень придёт – дай телефон или адрес.

– Анастасия Павловна, сказка о бабушке мамы – это уже через край, – с усмешкой проговорил Костя.

– Но он то, об этом не знает, пусть локти покусает. Капиталист доморощенный, – усмехнулась бабушка – До отъезда можете жить спокойно. Сюда он не придёт, будет ждать Костю дома. А вам мой совет – не торопитесь с женитьбой, подождите годик. Оля окончит учебу, получит профессию и если чувства не пройдут, я вас благословлю. Будет мой сын против брака, или передумает, решим все без его согласия. Костя там обживётся, ты здесь получишь диплом. Твои родители Олю примут?

– Мои родители примут. Мама всегда говорила: – «Счастливы дети, счастливы и их родители», а еще она всегда говорит: – «Мы настолько любим своих детей, что не можем не одобрить их выбор», – сказал Костя.

– Мудрая у тебя мама и умная. Теперь я могу доверить внуку не только тебе, но и такой свекрови.

Через два дня Костя и Санька отправились в обратный путь, так и не встретившись с Евгением Петровичем. По приезду Костя рассказал родителям об Оле, её бабушке и о приёме в семье Ольги.

– Знаешь сынок, если Оля твоя судьба, она дождётся и если не уедет, то сбежит. А если нет – значит не наша, – сказала мать.

– Не переживай, я уверен, в следующем году ты женишься, – сказал отец, похлопав сына по плечу. Я твою маму не на курорт увез, ты помнишь, и она ни разу не упрекнула меня в этом.

Десять месяцев переписки на адрес бабушки и долгожданная для Оли телеграмма. Еще до приезда Кости, Оля, во время госэкзаменов, попробовала еще раз поговорить с отцом. Он был непреклонным, сказав:

– Или ты едешь отдыхать в Крым, как планировала, или на мою помощь в будущем можешь, дальше, не рассчитывать. Делай выводы сама.

– А если я хочу в Сочи? – спросила Оля, усмехнувшись.

– Я сказал в Крым. Так я буду знать, что ты у тети Сони.

Тетя Соня была подругой бабушки, и раньше уезжая в Ялту, они останавливались у неё. Отец и предположить не мог, что бабушка уже давно обговорила с Соней все детали пребывания внучки в Ялте. Кроме того, все вещи, кроме чемодана в Ялту, Оля давно перевезла к бабушке, вместе с Костей они упаковали их и отправили багажом на адрес части, где служил Костя. Они расписались в Питере и отметили это событие у бабушки. Бабушка просила писать и звонить раз в месяц.

– Это вам в качестве свадебного подарка, – вручая Оле деньги, сказала она. – Раньше девушке готовили приданое, но в нашем случае его лучше купить ближе к дому.

А дом уже был. Однокомнатная квартира, выделенная Косте и отремонтированная с помощью, умельца на все руки Саньки, ждала молодожёнов. В квартире было все необходимое. Что-то купили с рук у сослуживцев, что-то в магазине, даже шторы повесили в цвет обоев.

Через два дня, отец сам посадил дочь в поезд до Симферополя, выделив на поездку денег. Костя сел в соседний вагон, а через 10 минут после отправления, перебрался в купе к Оле. Они пробыли на море две недели и заехали по пути в часть к родителям Кости. Дарья Андреевна целый год готовилась к возможной свадьбе старшего сына. После его звонка из Питера о том, что они расписались и едут на море на две недели, занялась подготовкой вплотную. Чтобы не урезать семейный бюджет, она сдала обручальные кольца родителей скупщику. Деньги были небольшие, но добавив их к отпускным, на подарок хватало. Звонок Дарьи Васильевны, тоже был как нельзя во время. Узнав о тайной женитьбе правнука и сбежавшей из дому невесте, она порадовалась характеру молодых и прислала два перевода ко второй свадьбе, но попросила обязательно прислать фото. Просто посидеть за столом и отметить событие Сергей с Дашей посчитали скучным и придумали свой сценарий. Сергею было 14, Даше 12 о ресторане речь не шла. Все будет дома, но празднично. Они заранее купили разноцветные шарики, нарисовали плакаты. Серёжа нашёл голубятника и договорился на «аренду» пары красивых белых, голубей. На Дарье Андреевне был праздничный торт, а на Андрее Ивановиче две светлые машины марки «Волга», украшенные лентами. Им все удалось! Уже на следующий день после приезда молодых, состоялась церемония. Оля в белом костюме с цветком в волосах и красивым букетом, Костя в парадном мундире, родители с Сережей и Дашей проехали от самого дома по городу в нарядных машинах, возложили цветы к мемориалу и выпустили в парке голубей. Никто и не догадался, что они и не были в местном загсе. Ни Костя, ни Оля не догадывались о таком мероприятии и фотографии получились яркие, натуральные и живые, а лица на них счастливые и довольные. Стол с белой скатертью, и вкусным праздничным обедом, много цветов и воздушных шариков, крики «Горько» и конечно танцы. В отсутствии родителей Кости, Оля позвонила своей бабушке и с восторгом рассказала ей о второй свадьбе и о том, как её приняли в семье. Бабушка успокоилась и стала ждать писем и фотографий, попросив телефон родителей Кости. Молодые пробыли пять дней, и уехали в часть. Оля, окончившая факультет компьютерных технологий в университете Питера, заключила контракт и стала военнослужащей гарнизона. Теперь они вместе несли службу далеко от родных мест. Перед своим отъездом, Костя уже знал, что училище, где он учился, закрыли и курсанты теперь доучиваются в Краснодаре. Что полк, где служит его отец, начинают сокращать и на следующий год Андрей Иванович, скорее всего, уйдёт на пенсию.

Глава 3

Так оно и произошло. Андрей Иванович продолжал «тянуть лямку» в ожидании жилищного сертификата, а Дарья Андреевна написала заявление на отпуск с июня месяца, с последующим увольнением, дождалась, когда дети окончат 8 и 7 класс и, отправив контейнер с вещами, вернулась в город, из которого уехала 14 лет назад. Квартира уже была свободна, кроме того здесь были кое какие изменения. Окна поменяли на пластиковые, кухню сделали встроенную и оставили некоторые вещи, которые могли понадобиться хозяйке. Решили сделать косметический ремонт. Помогла Светлана, подруга юности и дочь Веры Васильевны, живущая теперь вместе с младшим сыном Толиком, ровесником Сергея, в квартире матери, умершей 6 лет назад. Ее старший сын Алексей, ровесник Кости, жил в Москве. Она посоветовала мастеров, которые работают быстро и аккуратно, при этом берут недорого. Три недели понадобилось мастерам, чтобы побелить потолки, заменить обои и сантехнику, поставить новые двери, и квартира обрела совсем новый вид. К этому времени, пришли вещи и мебель. Дарья Андреевна не стала менять порядка размещения детей и отвела им по комнате, а сама, по старой привычке, оставила за собой и мужем зал. По площади нынешняя квартира была больше предыдущей, и вся привезённая контейнером мебель вошла без проблем, да ковёр, висевший на стене, перекочевал на пол. Одним словом, к приезду мужа, получившего долгожданный сертификат на жильё и расчёт, квартира была обставлена и обжита. Еще до переезда семья решила поселиться именно в этой квартире. Дому было почти 30 лет, но он был комфортнее новых. Одна кухня была на четыре квадратных метра больше, спальни на 2-3, зал на 5, здесь была даже кладовка. Хорошая транспортная развязка, почти центр, рядом школа, в которой училась Дарья Андреевна, и которая теперь стала гимназией, магазины, банк. Записав детей в гимназию, теперь она имела уклон к иностранным языкам, соответственно в 8 и 9 классы, Дарья Андреевна стала искать работу. В это же время Андрею Ивановичу предложили продолжить службу в госпитале МВД начмедом, и он согласился. Это он предложил ей поработать в поликлинике при госпитале, пока не подвернётся хорошая вакансия. Подготовив детей к школе, она уже в августе вышла на работу, в свои 44 года она была хирургом высшей категории, со стажем больше 20 лет. Никто не мог предположить, чем обернётся для всей семьи её новая должность. В ноябре, в составе сводного отряда ей предстояла командировка на полгода в Чеченскую республику.

– Ребята, я еду в госпиталь. Я не спецназ, ни ВДВ, и даже ни санинструктор, мне нечего делать на переднем крае, я буду глубоко в тылу, а шесть месяцев пролетят незаметно.

– Я не согласен. Мало ли что может случиться? – возражал Сергей.

– Случиться, Сережа может где угодно и когда угодно. Кирпич с крыши, машина на переходе, наркоман в арке, – парировала мать.

– Серёжа, ты же знаешь, если мама решила, она поедет. Мне не понятно, куда вы смотрели подполковник? Других докторов нет? – злилась Даша.

– Доктора, Даша, есть, хирургов нет. Фамилии у нас с мамой разные, вот она и попала в приказ. Когда разобрались, она уже сама дала согласие, не смотря на наличие двух несовершеннолетних детей. Я предлагал ей написать рапорт на увольнение, но она ответила, что это непрофессионально и неправильно, но скорее всего она не хотела подводить меня, – оправдывался отец.

Они еще долго обсуждали эту тему, хотя знали наверняка – она поедет. Для Дарьи Андреевны начались сборы в дорогу. Первое, что она сделала, написала список препаратов, медикаментов, инструментов и прочих медицинских материалов, и передала его мужу. Уже зная, что в отряде она единственная женщина, начала сбор личных вещей, учитывая этот факт. Вместе с выданной зимней одеждой и пайком на три дня, у неё получилось две большие сумки вещей и пакет с едой в дорогу. 2 ноября 1999 года её провожала на перроне вся семья. Весь марш-

рут, на поезде и автобусе продлился пять дней, и привёл их в небольшое чеченское селение. Вспоминать об этом путешествии без содрогания Дарья Андреевна не могла. Слишком разный коллектив собрался в одном вагоне, почувствовав кратковременную свободу. Утешало её одно – они прибыли на место и свобода для её попутчиков закончилась.

– Пойдёмте, осмотрим свои владения, может, подскажите мне что-то дельное, – сказал командир, закончив с разгрузкой. – Это здание похоже на сельскую больницу или детский сад. Давайте с него и начнём.

Они вошли в здание. Здесь было три комнаты. В одной стояло 5 кроватей. В другой – старый операционный стол, металлический шкаф без стекол, видимо операционная или перевязочная. В третьей – стол, каркас ширмы, кровать, шкаф, деревянная кушетка и раковина. В конце коридора – туалет и раковина.

– Вот здесь будете жить и работать. Сами устроитесь? Мы с Вами не регулярные войска, где есть кухня, баня, прачечная, поэтому как устроим свой быт, так и будем жить. У меня к Вам просьба, обойдите по периметру, посмотрите, что можно сделать, ребята толковые, вместе всё и обустроим. Женщины в этом плане дальновиднее и практичнее.

– Хорошо, я попробую. Пусть для начала принесут мой ящик, боюсь, я его даже с места не сдвину, – сказала она.

Она прошлась по периметру и заметила ребят, с которыми приехала в одном плацкарте.

– С чего начинать будем ребята? Впереди зима, а здесь не южный берег Крыма. Кто из вас старший, пойдёмте со мной. Меня зовут Дарья Андреевна, а Вас?

– Просто Виктор.

Они вернулись к зданию.

– Начнем изнутри. Вот здесь Виктор можно устроить столовую, сколотить стол, скамейки и поставить деревянную перегородку, отделить лазарет от столовой. Здесь места хватит для кухни. Но в первую очередь утеплить дверь, проверить отопление, котел там стоит, но наверняка нерабочий, наличие воды и газа, и проводку. Нужна плита. Идем дальше. Здесь можно устроить, что-то вроде бани и прачечной. Вода есть, сток тоже, дело за малым – разделить и утеплить. Думаю, нужны будут бочки и форсунки. Как думаете, ребята справятся? По всем вопросам к командиру, он обещал помочь, будут проблемы – ко мне.

– Подумаем, что можно сделать и из чего. Самим же надо всё это, так что не волнуйтесь, справимся, – сказал Виктор, а сам уже думал с чего начать.

Дарья Андреевна занялась устройством своего быта, а через два дня, после её первого приёма в посёлке ей презентовали старенькие, но чистые простыни со штампом больницы, наволочки, одеяла, подушки и матрасы. Два небольших кухонных котла, больше похожих на большие кастрюли, сковороду и шесть банных тазов. Тазы требовали тщательной чистки, но это было уже что-то. Ребята нашли плиту и уже сколотили стол и скамейки. Перегородку сделали решетчатую, утеплили дверь и сделали отопление. Теперь кухня, она же котельная, своим теплом обогревала «столовую». Еще через пять дней закончили «банно-прачечный комбинат». Теперь здесь было тепло, имелась горячая и холодная вода, Старый тент с грузовика, вместе с каркасом, разделил помещение пополам. Импровизированная баня была готова.

Комната Дарьи Андреевны была разделена ширмой, на каркас которой она натянула простынь с помощью обычных кнопок. В глубине комнаты стояла её кровать. Это была ее спальня. Ящик, освобожденный от медикаментов, она приспособила под одежду. От ширмы до двери стоял шкаф с препаратами и материалами. Стол, в ящиках которого лежали карточки и бумаги. Слева кушетка под простыней и раковина, рядом висело полотенце. На столе, кроме баночки, где стояли ручки, не было ничего. Мешки с песком, закрывающие окно, закрыла самодельной занавеской. Матрасы валиком легли на кровати, а постель, одеяла и подушки на полки в шкаф. Дарья Андреевна не пожалела, что взяла из дому смену постельного белья, полотенец, старенький утюг и бытовую химию. Через месяц можно было праздновать новоселье, скромный быт

всех устраивал, но появилась проблема. Мужики решили расслабиться, пользуясь спокойной обстановкой и затишьем. И действительно «расслабились» в полном смысле слова, без слабого. Десять взрослых мужиков отравились местным алкоголем. Организм семерых справился за два дня, трое приходили в себя трое суток. Без помощи Дарьи Андреевны прогноз был бы плачевный. Это была «официальная» версия. На самом деле всё было не так критично. Поговорив с командиром, она решила устроить показательный процесс. И вместо двух суток продержала самых «слабых» ещё день на постельном режиме с капельницами и снотворным. Вреда здоровью не было, а отдых от «беганья» они получили, а для посторонних все выглядело, как полная безнадёга. Под каким предлогом вызывать вертушку? Это понимали все, и, увидев доктора на построении, поняли, будет лекция.

– Не ждите от меня рассказа о вреде алкоголя. Скажу вам о другом – вас вывели из строя без единого выстрела, сразу десять человек и при этом еще заработали на вас. Все знаете, что нам здесь не рады. За речкой травили воду, мальчишки гибли либо от обезвоживания, либо от заражённой воды, а вы травите себя от скуки и безделья. Я врач, я давала клятву лечить и помогать, но учтите, ни одного засранца я не буду вытаскивать с того света, если почувствую запах спиртного. Вопросы есть?

– Вы были за речкой? Когда?

– Была в восьмидесятом, мне было 25 лет. Сейчас мне 44 года, у меня двое детей. Они ещё школьники и я очень хочу вернуться домой.

Больше вопросов не было и Дарья Андреевна, отправилась к себе. Она была уверена, что если мужики и будут пить, а они будут, то не местный алкоголь. Перед самым Новым 2000 годом соседский отряд ОМОНа проводил в районе зачистку, но двоих раненых привезли к ним, в отряде был фельдшер, а вертушка задерживалась. Ранение в плечо и ранение в бок, пуля прошла по краю бронежилета, потеряв убойную силу. Дарья Андреевна готовилась к операции, взяв, в ассистенты фельдшера. Наркоз был местный, а парень боялся уколов.

– Ты дружище, пой любую протяжную песню, тихонько, не напрягаясь. У меня родной не госпиталь, усыпить я тебя не могу, но постараюсь все сделать быстро, если ты не будешь мне мешать. Ложись на бок, руку под голову и замри, можно только петь.

Парень запел: « Выйду ночью в поле с конем... ». Дарья Андреевна привычными движениями извлекала пулю, которая не задела ни один орган и которой не хватило сантиметра, чтобы покинуть тело и вылететь наружу. Парень заканчивал петь и начинал сначала.

– Садись, пиши, я закончу сама, – сказала она ассистенту. – Оставим дренаж на сутки, а там посмотрим. В палате шкаф, там постель и белье, пусть ребята помогут. Давай второго.

– Ну что парень, поёшь ты не плохо, а слов песни не знаешь. Гонял два куплета и думал, я не замечу. Держи приз за песню, – она протянула ему пулю в салфетке. – Будет болеть, пой – приду, сделаю укол, сиделок у нас нет.

У второго парня ранение было сквозное. Пуля прошла на вылет не задев кости. Закончив с раной, наложила повязку, сделала укол.

– Для тебя парень сувенира нет, полетел дальше. Сам дойдёшь? Ребята пусть помогут с постелью и на выход все, так и передай.

Пока она мыла инструменты, ставя их кипятить, убирала в операционной и переодевалась, в небе послышался шум вертолёт. С момента окончания последней операции прошло чуть меньше часа. Она подошла к палате, приоткрыла дверь – пациенты спали. Закончив запись в журналах, она сделала еще и копии на обычных листах. «Если будут забирать ребят – это им понадобится», – подумала Дарья Андреевна, а в кабинет уже входили двое военных в сопровождении фельдшера. Они поздоровались, представились, но она тут, же забыла, кто есть кто, хотя один из них был как будто знаком.

– Как чувствуют себя Ваши пациенты?

– Спят как младенцы, но не от наркоза, устали. Наркоз был местный, – она протянула журнал. – Вы будете их забирать?

– Да, пойдёте, посмотрим, – сказал один из них, закончив чтение и возвращая журнал. Они прошли в палату, разбудили ребят и осмотрели ранение в бок, сняв салфетку.

– Где так научились «штопать»? – спросил прилетевший. Шов, как произведение искусства.

– Отец научил.

– Вы что из династии хирургов? – улыбнулся приезжий.

– Вы угадали и отец, и дед были хирурги Барышевы, – ответила Дарья Андреевна.

– Я был знаком с одними Барышевыми в восьмидесятые, прошёл с ними полевую хирургию, так сказать, на месте.

– Рыжий, ушастый лейтенант, с необычным именем Святослав, а теперь подполковник Гусельников, – сказала Дарья Андреевна, узнав, наконец, приезжего. – Вы меня не узнали? Кабул, лето, Дарья краса – длинная коса.

– Доктор Даша! Точно Даша, мой наставник, учитель! Вы очень изменились, но не внешне. Раньше Вы вели себя, как учитель с учеником, а теперь как профессор. Мол, не так, сделайте лучше. А я давно уже не рыжий, а лысый, только уши так и остались торчать. Поговорить бы, да служба.

– А Вы не хотите взглянуть на наши полевые условия? Для меня это важно, – спросила она. – У нас здесь хуже, чем было за речкой двадцать лет назад.

– Раненных бойцов готовьте к погрузке. Через десять минут взлетаем, – сказал он напарнику. – Идёмте, посмотрим, что у Вас.

– Смотрите сами, – Даша открыла дверь и включила свет над столом. Он был тусклым и не позволил бы ей сделать то, что она сделала, не будь это днём. На электроплите стоял стерилизатор с кипящими инструментами.

– Прошлый век, какой то. Вам нужен хороший свет и автоклав?

– Это как минимум. Если есть возможность, добавьте всё, что посчитаете нужным. Дай Бог, чтобы мне это не пригодилось, и я смогла Вам вернуть всё назад. Страховка нужна всегда.

– Спасибо за помощь, я постараюсь всё сделать в короткие сроки. Рад был встрече с Вами. Удачи.

Вертолёт улетел, увозя раненных бойцов, фельдшер, со своими ребятами оседлав БТР, уехал (но обещал, как Карлсон, вернуться). Новый год отмечали все вместе, свободные от службы. Даше даже удалось позвонить домой и поздравить свою семью. После праздников, всё тот же вертолёт привёз «подарки» для больницы. Здесь был небольшой автоклав, разовый инструмент и костюмы, настенный кварцеватель, три комплекта постельного белья, а самое главное лампы. В коробке от печенья лежала бутылка шампанского, конфеты и мандарины. Короткая записка: «Все это уже списано, можете не волноваться. У нас теперь есть на кого надеяться. Спасибо и с Новым годом».

Следующие три месяца прошли без особой работы. Были порезы, ушибы, вывихи и простуда, но серьезнее фурункула, вскрытия не было. Дарья Андреевна один раз в неделю ездила в поселок, где её ждали обычно два-три пациента. К её поездкам блокпост уже привык, и машину не останавливали. Сегодня был как раз такой день. Приняв трёх пациентов, двое из которых были дети, прыгнувшие с высоты. Один получил сильный ушиб с кровоподтёком, другой – глубокий порез, скорее всего от острых камней. Объяснив, что делать, когда приходит, она собрала свой чемодан и собралась уходить. Её чуть не сшиб в дверях мужчина.

– Там у Шамяля жена рождает, давно рождает с ночи. Совсем плохой.

Дарья Андреевна не знала ни Шамяля, ни его жену, но не помочь женщине она не могла. Они сели в машину.

– Ринат, кто такой Шамяль? Говорят, у него жена рождает, – спросила она водителя.

– Это местный чабан. Мы у него иногда баранину берём. Жена у него точно беременная. Проезжая мимо поста водитель притормозил и крикнул: – «Мы к Шамилю, у него жена рожает».

Машина стала подниматься в гору. Но у скромного жилища чабана, мужчина вдруг подал голос.

– Не останавливайся, прибавь скорость и езжай вон к тем развалинам, – сказал он, приставил пистолет к затылку Рината. – Дёрнешься – убью. Ты мне не нужен.

Дарья Андреевна поняла – это похищение, но зачем? Понял это и Ринат. Ехали минут тридцать, когда уазик остановился ровно там, где ему указали. Что здесь было раньше, трудно было сказать. Мужчина с пистолетом в руках велел им выйти и следовать за ним. За поворотом отвесной стены высотой метра два стоял джип, с наброшенной маскировочной сеткой.

– Ты в машину, – сказал он Дарье Андреевне, – а ты к стене, – кивнул он Ринату.

Ее осенило – «Им нужен врач».

– Тронешь мальчишку, я разобью себе руки, – она подняла камень с земли.

– Тогда я убью вас обоих, – с усмешкой сказал похититель.

– А потом убьют тебя за то, что не привез врача. Давай, чего ждёшь.

Он посадил их в машину, связав руки и завязав глаза. Ехали минут сорок, прежде чем машина остановилась. Им сняли повязки, и велели выйти из машины. Они оказались на месте разрушенного до основания селения. Такие картины она видела только в кино. Дома сложились в одну кучу кирпича и черепицы, оставались только части цоколя и фундамента, туда их и повели. Часть плиты вместе с мусором отошла в сторону, образовав проход, который закрылся, как только они прошли. Вспыхнул луч фонарика, а метров через пять открылась дверь в освещенное помещение. Здесь находилось человек пять-семь. Кровати в два яруса, большой стол и скамейки. Один сидел перед экраном, на котором она увидела машину и часть улицы. «Камеры», – мелькнуло у нее в голове. Из комнаты вели три двери. Рината оставили здесь, бросив на пол для него тюфяк. Её повели к одной из дверей, за которой была небольшая комната. Она увидела мужчину, бледного, с выраженными признаками озноба. «Мой клиент», – подумала она. Возраст мужчины, из-за обильной щетины на лице, определить было сложно.

– Где я могу вымыть руки? – спросила Дарья Андреевна.

Ее проводили в санузел, который находился здесь же. Она присела возле раненного мужчины, и отдернула одеяло. Ране было не более 5-8 часов.

– Чего вы от меня хотите? Я ему не смогу помочь, нужна операция, – сказала она, глядя на похитителя.

– Все есть, идём, – похититель открыл ещё одну дверь, и она увидела мини «операционную», с ярким светом и инструментами. – Сделаешь всё как надо, вернёшься обратно, нет – останешься здесь. Готовься, мы его сейчас принесём, он слишком плох. Здесь есть всё, сама разберёшься и выберешь, что надо.

Дарья Андреевна готовилась к операции и всё думала о доноре, зная группу крови пациента. Операция длилась в одиночку два часа. Раны оказались необычными. Первая пуля как будто срикошетила от чего то, пробила живот и на этом успокоилась, не задев ни один орган. Вторая оказалась в кишке, а поскольку та была пуста, вреда особого не причинила. Причём вторая пуля перед попаданием в живот, видимо что-то пробила и потеряла убойную силу. Всю операцию она думала об этой странности. Стреляли либо издалека, либо когда человек находился за ограждением. Первое не подходило, под сомнение подходила и вторая версия – пули были не от автомата, они были от пистолета. «Неужели стреляли свои люди, для него свои?» – подумала она.

Она сделала всего одно переливание от донора жителя гор, а у Рината взяла всего двести граммов крови.

– Накормите его и дайте горячего сладкого чая. Мне понадобится к вечеру донор, – в приказном порядке сказала она похитителю.

Дарья Андреевна осмотрела содержимое чемодана, выбрала лекарства для уколов. Несколько ампул, аккуратно упаковала в ватные тампоны и завернула их вместе с рукавом камуфляжной куртки. Шприцы-тюбики с лекарством завернула в другой рукав. В двадцатку набрала «адскую смесь» и засунула ее в носок, чуть прихватив пластырем. Носки были длинные, и со стороны ее оружие было незаметно. Во второй носок она засунула скальпель, обернув острую часть бинтом. Дарья Андреевна была уверена в том, что даже если их и отпустят, без «вреда для здоровья», это не обойдется. Только после «тайного хищения», она навела порядок в операционной, убрала лекарства в чемодан, надела белый халат и вышла к раненому, который лежал уже на относительно чистой постели.

– У Вас веки дрожат, вы не спите, – сказала она шепотом.

– Здесь нет камер, только на входе, для наружного наблюдения. Как мои дела? – спросил тихо больной.

– Раны Ваши не опасны. После такого ранения, больные уже через сутки сами начинают ходить, – ответила Дарья Андреевна.

– В меня стреляли, и стреляли в суматохе «братья», когда я был в машине. Будет лучше, если я и дальше буду «умирающим» лебедем. Мне нужно время три-четыре дня, а вы сделайте так, чтобы в это поверили, и прежде всего Ваш похититель.

– Значит, будете три дня «мумией», – сказала она, ставя больному капельницу, после чего присела в кресло и закрыла глаза.

Дарья Андреевна попросили привести Рината для очередного переливания, и узнала, что его накормили и напоили чаем. Ей видимо обед был не положен. Уложив Рината на кушетку, изображая манипуляции, она сделала ему укол. Увели Рината, пришел похититель, узнать о состоянии больного.

– Парень мне еще понадобится, придется вам его поставить на довольствие, – сказала она. – А мне не положен ужин? Больной пока тяжелый, боюсь инфекции, он все время бредит, но я не понимаю вашего языка.

Ей принесли лепёшку, кусок сыра и большой бокал чая. Она поела, но без особого аппетита. Дарья Андреевна делала всё, чтобы больной пару дней находился «без сознания», при этом ставила капельницы поддерживающие его. Она ночевала здесь же, сидя в кресле, укрывшись тонким одеялом. Через три дня больной пришёл в себя, и в этот же день она узнала новость.

– Два дня назад вас здесь искали, но слава Аллаху всё обошлось, они ушли. Как наш брат? – спросил похититель.

– Лучше, но он очень слаб. Ему можно пить бульон не жирный и понемногу. Вы нас отпустите?

– А сама как думаешь? – усмехнулся он.

– Думаю, нет, но вы обещали. Я свое дело сделала.

– Посиди еще пару дней. А потом всё решим. Бульон ему сейчас принесут. Покорми его. Пока она кормила больного, все время думала как, где и когда?

– Я могу ему приказать, но вряд ли он это сделает. Моё слово для него пустой звук. Я ему нужен живой, пока он не получит деньги, большие деньги. А со стрельбой вышло недоразумение. Я должен быть сидеть на заднем сиденье, он это знал, и просто хотел лишить меня ещё одного бойца. Теперь у него их трое, у меня пятеро, в открытый бой он не пойдет, будет ждать удобного случая. Пистолет возьмёте?

– Я не умею им пользоваться, да и не смогу выстрелить. Мальчишку жалко. Вы забудьте, что в Вас течет кровь неверного, Ринат татарин, он мусульманин. Двигайтесь осторожно, а ещё

лучше оберните живот простыней, но не очень туго. Ешьте по не многу, но часто, и лучше жидкую пищу.

Прошёл ещё день в тягостном ожидании. Она продолжала кормить больного и ставила ему только уколы. Рината она не видела уже два дня. Её выселяли из комнаты.

– Я приготовила Вам препараты, колоть можете сами еще пару дней в бедро. Это неприятно, но не смертельно, не забудьте про повязку. Прощайте.

– Как Вас зовут, доктор?

– Даша. Дарья Андреевна.

– Простите меня, если сможете.

Её отвели в угол к Ринату. Поесть им так и не дали, а утром едва начало светать, разбудили, связали руки и заставили сесть в неприметные старенькие «Жигули», на заднее сидение. Они ехали меньше десяти минут, когда водитель остановил машину. Во время тряски Дарья Андреевна достала скальпель и освободила руки, которые были связаны тонкой веревкой впереди, и уже держала их за спинкой водительского сиденья, а в них был шприц. Ринат это видел.

– Ты выходи первым, – кивнул он Ринату, открывая свою дверь.

– Дверь...

– Что дверь?

Он отвлекся на Рината, и она поняла, другого случая может, не представится. Она против всех правил вонзила иглу шприца в шею, стараясь попасть в сонную артерию, и с силой нажала на поршень. Он успел нажать на курок за мгновение до того как завалился на бок. Звук выстрела оглушил обоих, запахло порохом. По инерции, она проверила пульс, его не было. Пуля попала Ринату в область бедра, чуть выше колена, пробила мягкие ткани и застряла в двери автомобиля.

– Ничего парень, снимай штаны, – говорила она, разрезая верёвку скальпелем. Обработала рану, сделала перевязку и укол, затянув бинт выше ранения. – Сейчас мы с тобой поедem. Меня муж обучал вождению.

– Я сам. Помогите мне только вытащить его. Он мертв?

– Он пополнил мое личное кладбище, где ему совсем не место.

Ринат выжимал из машины все, что можно. Они ехали, не зная дороги минут двадцать, пока не заметили знакомые развалины. Проехав еще минут тридцать, они остановились.

– Приехали, бензин кончился, – сказал Ринат, открывая дверцу машины, тяжело дыша. Теперь пешком. Как думаете, одолеем?

– Одолеem, сынок. Ползти будем, но одолеем. Нога болит? Может укол? – спросила она, заворачивая пистолет в носовой платок и засовывая его за пояс.

Дарья Андреевна вышла из машины, открыла багажник. Среди всего хлама, она нашла мотыгу и старый ватник. Обмотав острую часть мотыги отрезанными рукавами ватника и бинтом, протянула Ринату.

– Держи костыль. Считать сынок скучно, давай петь. Споём песню – отдохнём, еще одну, еще отдых. Развалины почти рядом, час ходьбы, ну, чуть больше.

Они шли и пели, потом присаживались отдохнуть и опять шли и пели, а развалины все не приближались. Их заметил чабан и отправил сына на блокпост. Уже через полчаса они увидели знакомый уазик. Присев прямо на землю, обнялись и заплакали, это были слёзы радости.

Через час они уже были среди своих ребят, а в небе кружил вертолёт, но не санитарный, а военный. Их встречали, как после долгой разлуки, еще не зная подробностей. Прежде чем заняться собой, Дарья Андреевна вымыла руки, осмотрела рану Рината и наложила свежую повязку, и только потом, взяв чистую одежду, пошла в приготовленную для неё баню. Прошло не менее часа, прежде чем она помылась, постирала свои вещи и предстала перед окружным начальством. За это время Ринат «отрапортовал» обо всём, что видел и знал, а отряд ОМОНа выехал известным ему маршрутом. Ей оставалось изложить свою версию происшед-

шего. Начальство улетело, забрав с собой Рината, а она сумела позвонить домой, там о её возвращении уже знали. За обедом командир поведал ей следующее:

– Ваше отсутствие на обеде вызвало тревогу. Позвонили на пост, там ответили, что Вы направились к Шамилю. К вечеру наведались туда. Жена его действительно родила ночью сына. От него и узнали, что наш уазик проезжал до полудня, но назад не возвращался. С рассветом начались поиски. Машину свою мы нашли быстро, Ваш чемодан у меня на хранении. На следующий день подключили авиацию и отряд. Кто же мог предположить, что вы были почти рядом под землей. Когда боец сказал о поваленном заборе с адресом, я чуть не лопнул от злости. Я своими ногами топтался там, – с горечью в голосе говорил командир.

– Они вас видели через наружные камеры. Может это и хорошо, что не нашли? Они видят вас, а вы их нет. Кто знает, что было ещё в их арсенале. Я знаю только одно – раненный среди них не главный, но знал о больших деньгах, от того его так и берегли, а хозяин пистолета птица другого полета. Слава Богу «отлетался». Ребята не застанут их на месте, они уйдут, оставив чужих. Не зря он просил три-четыре дня, видимо был план.

– А как Вам пришла в голову идея с уколом? Что Вы ему вкололи?

– Мне предлагали пистолет, но со шприцами у меня лучше получается. А что вколола, Вам лучше не знать. У меня не было уверенности, что он не выстрелит в меня, решила действовать с опережением, Ринат это понял и помог. Можно я пойду?

– Идите Дарья Андреевна. Ваш чемодан принесут, а завтра у Вас выходной.

Только теперь она почувствовала усталость. Напряжение шести дней и диета не прошли даром. Она сняла форму, аккуратно повесив её на стул, легла и тут же уснула. Тот, кто принёс чемодан, увидел её мирно спящей, даже не проснувшись на стук и не знающей, что в отряде о ней ходит легенда.

Она проспала до десяти часов утра следующего дня. Приведя себя в порядок, сняла уже просохшую форму, постиранную вчера. «Я даже не слышала, как ребята завтракали, – подумала она. – Что у вас, доктор, на завтрак?» Все, что было не в банках, съели мышки-норушки, в банках оставался сахар и кофе. «Изверги», – обозвала она не прошеных гостей и направилась на кухню.

– Доброе утро, Гриша. У тебя хлеб есть? Кушать хочется, а мои галеты квартиранты съели, пока я в горах отдыхала.

– Вы присаживайтесь, доктор, я сейчас чайник поставлю и накормлю вас завтраком. Минутку подождёте?

Он вернулся через пару минут, но, ни один. Наступая передним на пятки, ввалилось человек 12-15, пропуская командира с букетом вперёд.

– С днём рождения Дарья Андреевна! Здоровья Вам и счастья. – Сказал он и поцеловал её в щёку. – Там ещё посылки для Вас пришли, ребята в кабинет отнесли. Позвоните домой детям, – он протянул ей телефон. Радостные дети поздравили её с днём рождения, пожелали скорейшего возвращения

Ребята подходили по очереди поздравляли и вручали кто конфеты, кто шоколад. Гриша принёс чайник и кружки, а в центр стола поставил самодельный торт. Ребята измельчили печенье и смешали его со сливочным маслом и сгущенным молоком, а сверху присыпали тертым шоколадом. На глазах у доктора выступили слёзы. Она забыла о дне рождения, и её тронуло внимание парней. Гриша поставил перед ней тарелку с бутербродами со словами: – «А это доктор, ваши боевые 100 грамм, чтобы всё съели». Все вместе пили чай, но каждому хотелось задать вопрос, и Дарья Андреевна это чувствовала.

– Спрашивайте, не стесняйтесь, – сказала она, доедая второй бутерброд. – Подставили мы вас с Ринатом? Кто же знал, что это ловушка. Я даже не знала, что ночью работал ОМОН. Как не помочь беременной женщине?

Ребята задавали вопросы и по шести дням её отсутствия, и про Афганистан, про семью, детей, мужа и вопрос, который интересовал всех: – «Вы теперь домой?»

– Домой я поеду вместе с отрядом. Сколько там дней осталось, неделя?

Они просидели почти два часа, пока Гриша не начал греметь посудой, готовя обед.

«Как приятно, когда о тебе помнят», – думала Дарья Андреевна, возвращаясь к себе. Она разбирала посылки, их оказалось три. Открыв первую, которая была из дому. Здесь было длинное письмо, к которому приложили руку все трое. Посылка была отправлена до её исчезновения, и письмо было написано с юмором и оптимизмом. В посылке было всё, что она любит: кофе и сгущенное молоко, конфеты, три яблока, завернутые в газету. Колбаса в фольге, пачка сигарет, две пары тонких носок и новые тёмные кроссовки. Они были как нельзя кстати. Вторая посылка была из госпиталя – новый хирургический костюм, белый халат, красная футболка с вышитыми инициалами на груди слева Д.А., и синяя футболка, явно мужская, с трафаретом на спине «доктор», вафельный торт и две коробки конфет. Фельдшер передал ей новую полосатую майку десантника и черную футболку с вышитой эмблемой и надписью «ОМОН», и конфеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.